

КОЛДЫБАЕВ С,А.

КОСТАНАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. БАЙТУРСЫНОВА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД КАЗАХСТАНА

КОСТАНАЙ - 2019

УДК 1:316:422 (574) (035.3)

ББК 87.6

К60

Рецензенты:

Сыдыков У.С. – доктор философских наук, проф.

Бондаренко Ю.Я.. – кандидат философских наук, проф.

Рекомендовано к печати Ученым советом РГП
«Костанайский государственный университет имени
А.Байтурсынова, протокол №12 от 29 августа 2019 года.

Колдыбаев Сафар

К 60 Модернизация общественного сознания и
национальный код Казахстана. монография, Костанай,
2019 – 168 с.

ISBN 978 – 601 – 7597 – 19 - 1

Научное издание

Работа представляет собой одну из первых попыток в отечественной социально-философской науке исследовать проблемы состояния и модернизации современного общественного сознания и национального кода Казахстана. Значительное внимание уделено исследованию социальных проблем современной модернизации, взаимосвязи этнического и гражданского общественного сознания Казахстана в контексте цивилизационных вызовов XXI в.

Книга рассчитана на студентов, преподавателей, научных работников, всех тех, кто интересуется проблемами духовного обновления современного Казахстана.

ISBN 978 – 601 – 7597 – 19 - 1

Колдыбаев С.А. , 2019

ПЛАН

Введение	6-8
ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДУЕМОЙ ТЕМЫ	
О вопросе о понятии «общественное сознание»	9-41
Национальный код и общественное сознание	41-66
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАЗАХСТАНА	
Социальные аспекты модернизации общественного сознания	67-101
Сохранение национального кода, как условие модернизации общественного сознания	101-134
Проблемы модернизации отношении этнического и гражданского в общественном сознании	135-159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160-165
БИБЛИОГРАФИЯ	166-169

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня такая сфера социально-философской науки, как общественное сознание становится в Казахстане зоной повышенного внимания политиков, журналистов, публицистов, о чем свидетельствует их немалое число публикации в СМИ. К сожалению, этого нельзя сказать о профессиональных философах в республике, которые довольно мало высказываются о данной стороне жизни казахстанского общества.

Можно сказать, что специалисты-ученые, исследующие духовные процессы современного общества в Казахстане пока не выпустили крупных монографических работ, где были бы подвергнуты специальному исследованию проблемы, связанные с современной модернизацией общественного сознания казахстанцев. Хотя, отдельные аспекты исследуемой темы нашли свое отражение в некоторых работах [1], но они в большей степени отражают начальные процессы формирования общественного сознания Казахстана после получения политической независимости.

В гуманитарных науках общепризнано, что сложность феномена «общественное сознание» по структуре и социально-духовным проявлениям обуславливает необходимость его многостороннего исследования. Ученые изучают общественное сознание в историческом, психологическом, культурологическом, экологическом и иных аспектах. В частности, условиях крупных перемен происходящих в независимом Казахстане довольно важным становится философское исследование социальных и национальных аспектов модернизации общественного сознания Казахстана, что и предопределяет тему и логику настоящего исследования.

Для сравнения, заметим в соседней России, представители социальной философии довольно

обстоятельно исследуют проблемы современного общественного сознания россиян, особенно процессы противоречия и ломки прежнего советского сознания. Среди работ российских исследователей исследующих проблемы общественного сознания постсоветского периода можно назвать работы Кара-Мурзы С.Г., Почепцова Т.С. Михайлова Ф.Г., Чельщева П.В. и др[2]

В то же время, под влиянием конкретных социальных условия в общественном сознании Казахстана происходят и специфические процессы духовного обновления, связанные с особенностями региона. И именно эти процессы перемен, перехода общественного сознания на иные качественные рубежи остаются полем недостаточного внимания казахстанских ученых. Исследование их в частности, становится важным в свете настоятельных требования к исследованию данной проблемы, которые были поставлены в работе первого президента РК Н.Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания».

Современному общественному сознанию Казахстана предстоит пройти в ближайшем будущем серьезную духовную модернизацию. По нашему мнению по своему историческому значению эти перемены общественного сознания связаны с определенным цивилизационным духовным поворотом народа современного Казахстана. Вектор формирования такого общественного сознания в целом, по нашему мнению, направляется в сторону вестернизации, с сохранением национальной специфики, национального кода Казахстана.

Примечательно, что подобного характера процессы преобразования общественного сознания уже идут в современном казахстанском обществе. Они приводят не только к успехам в решении этой исторической задачи, но и вскрывают насущные духовно-психологические проблемы,

которые надо объяснять и решать не только практически, но и предварительно теоретически. В известной мере, подобный исторический опыт определенного осмысления достижения и проблем модернизации общественного сознания Казахстана находит свое отражение в данной представленной работе.

Безусловно, мы осознаем всю многогранность поставленной темы научного исследования. Поэтому данная работа может рассматриваться лишь как одна из первых специальных исследовательских попыток изложить определенный взгляд на непростые процессы современной модернизации общественного сознания и национального кода Казахстана.

ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДУЕМОЙ ТЕМЫ

К вопросу о понятии «общественное сознание»

Понятие «общественное сознание» относится к тем проблемам социальной философии, которые считаются традиционно классическими. Поэтому разработка теоретических аспектов этого понятия была всегда была в центре внимания философов. Хотя порой можно встретить мнение, что понятие «общественное сознание» не представляет интереса, является неопределенным, размытым и поэтому всякий кто этим займется «скатиться ... в канаву бытового словоблудия»[3].

Однако с такой категорической точкой зрения в отношении значения данного понятия трудно согласиться. Несмотря на сложность и противоречивость указанного духовного феномена многолетние исследования, особенно в период существования исторического материализма, позволили ученым во многом верно и реально определить общественное сознание. Скажем понимание общественного сознания как совокупности мыслей, чувств, переживаний, идей и теории, общих, типичных для общества или иной социальной группы людей, является в целом общепризнанной точкой зрения современной социальной философии. Хотя, справедливости ради заметим, в литературе, особенно популярной нередко наблюдается упрощенное понимание общественного сознания, когда его содержание сводится к механической совокупности индивидуальных сознаний.

Что касается структуры понятия, то исследователи социальной философии помнят тот период, когда переоценивалась в историческом материализме идеологическая составная общественного сознания, на

работу, в которой ориентировалась преимущественно вся пропагандистская деятельность. Это привело к недооценке в структуре общественного сознания роли массового сознания, общественной психологии в целом, которые как раз именно сейчас демонстрируют весьма повышенную роль в общественных потрясениях конца XX начала XXI века.

Изначальна фаза активной разработки в научной литературе проблематики общественного сознания и его структуры началась в период 40-50 годов XX века. В это время сформировалась довольно упрощенное понимание структуры общественного сознания, которое фактически сводилась к идеологии. Тогда считалось, что общественное сознание состоит из т.н. форм или как позднее некоторые называли видов, каждая из которых представляла определенную идеологию. Конкретно структура общественного сознания изображалась, как состоящая из политической идеологии, правовой идеологии, религиозной идеологии, моральной идеологии, философской идеологии, эстетической идеологии, науки. Последняя, естественно была включена с определенной натяжкой, ибо хотя в науке есть идеологическая составная, она является здесь чужеродным элементом. Известно, что, обращая внимание на это обстоятельство, К.Маркс и Ф.Энгельс противопоставляли идеологию и науку. Отметим так же, что впервые указанные семь элементов структуры общественного сознания были даны в известной работе Ф.Энгельса «Анти-Дюринг».

При всем упрощенном подходе, взгляд на структуру общественного сознания, как состоящую из идеологических форм являлся шагом вперед, по сравнению с предыдущими социально-философскими представлениями. Ведь некоторые ранее рассуждали действительно прямолинейно, считая, что общественное

сознание состоит из форм, под которыми они понимали политику, право, религию, мораль, философию, искусство, науку. Но ведь эти данные слагаемые, взятые каждая в отдельности представляют собой реально конкретный социальный институт. Такой ошибочный взгляд объективно игнорировал качественную природу и специфику общественного сознания, состоящую в его идеальности, духовности, по сравнению с другими областями социальной жизни.

И здесь нельзя не сказать, что само введение данного понятия К.Марксом и Ф.Энгельсом было связано с пониманием ими именно качественной специфики общественного сознания по сравнению с общественным бытием. Иначе говоря, фундамент, на котором впервые строилась теория общественного сознания в историческом материализме, было материалистическое понимание истории. Выражая сущность последнего в предисловии «К критике политической экономии» К Маркс писал: «не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [4].

К пониманию современной значимости данного материалистического понимания истории мы еще вернемся, а здесь продолжая нашу тему, заметим, что впоследствии в 60-80 годы XX в. происходили наиболее интенсивные исследования структуры общественного сознания. В среде таких исследователей известные ученые – В.В. Журавлев, А.К. Уледов, М.Я. Ковальзон, и др.[5]. Не будем останавливаться на конкретных позициях каждого из них в толковании структуры общественного сознания. Ясно, что это «давно минувшие дни» и касается научной полемики второй половины XX в. Заметим лишь, что при всех своих различиях подходов в среде советских философов, у них не было сомнения в понимании реальности и наличия

духовной сущности общественного сознания, что побуждало их отмечать разносторонность его проявления.

Важным шагом впоследствии в исследовании понятия явилось понимание того, что помимо идеологической стороны каждая форма общественного сознания имеет в качестве нижней конкретную общественную психологию. В итоге, например, политическая форма стала представляться как единство политической идеологии и психологии. Правовая форма уже включала правовую идеологию и психологию. Религиозная форма рассматривалась в союзе религиозной идеологии и психологии и т.д.

При этом как идеологическая, так и психологические стороны рассматривались одновременно и как самостоятельные феномены, в виде т.н. сфер (общественная идеология, общественная психология), наряду с отмеченными верхними и нижними этажами отдельной формы общественного сознания.

Некоторые современные исследователи не признают общественную психологию, ибо, по их мнению, эта область социальной психологии, как науки, а не социальной философии[1]. Но с таким мнением нельзя согласиться.[6]. Социальная философия, как известно, имеет дело с социальным всеобщего характера. Общественная психология именно тот феномен, без которого ни одно социальное явление, процесс не обходится, ибо ничто не делается без участия чувств, переживаний, эмоции. Общественная психология, говоря словами Г.В.Плеханова, лежит в основании всякого социального действия[7]. А раз дело так, то, следовательно, общественная психология – это область исследования социальной философии. Не конкурируя с психологической наукой, социальная философия рассматривает главным образом и прежде всего общие социальные аспекты общественной психологии. В то же время социальная психология имеет своим предметом

механизмы, законы функционирования преимущественно внутренней структуры общественной психологии. Иначе говоря, подход социальной философии к общественной психологии отличен друг от друга. Социальную философию интересуют вопросы роли, формы проявления, связи общественной психологии с социальной стороной жизни общества.

Хотелось бы высказаться по довольно спорному вопросу о количестве «форм» общественного сознания. Мы их, вслед за Ф.Энгельсом, назвали семь. Сегодня в научной литературе можно встретить и появление новых форм общественного сознания. Некоторые, в частности, говорят о необходимости т.н. трудового сознания. Другие предлагают экономическое сознание. Третьи — экологическое сознание. И т.д. Нам представляется, что во введении этих новых «форм» нет ничего предосудительного. Сама динамика развития реальной жизни общества покажет, приживутся эти новые понятия или нет. Ведь, в конце концов, реальность и жизнеспособность новых форм общественного сознания определяется общественной потребностью, уровнем развития общества

Здесь следует учитывать, что наличие тех или иных компонентов общественного сознания в значительной мере определяется развитием материальных общественных отношений, которые они выражают. Иначе говоря, духовные явления не выступают в чистом виде, — они непременно объективированы. Духовные явления могут быть раскрыты лишь в связи с анализом социальной деятельности людей, общественных отношений, стороной которых духовные явления выступают. Поэтому, рассматривая компоненты общественного сознания, его структуру, мы вынуждены соотносить их с компонентами, структурой других, по

своей природе недуховных, социальных явлений. Структура общественного сознания как бы накладывается на другие социальные структуры и выступает их своеобразным выражением.

Так, современный характер национально-этнических отношений в мире настоятельно диктует необходимость национальной формы общественного сознания. И это, вполне естественно, учитывая развитость национальных отношений и немаловажную повышенную роль, которую выполняют они в современной общественной жизни. Хотя в той классификации форм общественного сознания, которая первой была у Ф.Энгельса, а затем в историческом материализме ее не было. Показывая наличие семи форм общественного сознания классики тем самым выражали злободневность видов тех социальных отношений, которые довольно отчетливо сложились во второй половине XIX в. и являлись важными в то историческое время. Справедливости ради отметим, что введение в научный оборот такой формы как «национальное сознание» диктовалось еще ранее, социально-национальными отношениями середины XX века, но догматизация исторического материализма не позволила его своевременно признать его наличие. По этой же причине долгое время отрицалась и предлагаемое еще тогда учеными экологическое, трудовое сознание.

Естественно структура общественного сознания отнюдь не ограничивается его формами. Хотя порой некоторые видят в общественном сознании в основном только эти компоненты. Однако общественное сознание в своей структуре довольно многоаспектное явление. Исследователи выделяют в общественном сознании кроме его форм еще и сферы, а так же уровни. Последние в общественном сознании так же специфичны и столь же обоснованы. Однако в понимании сфер и

уровней общественного сознания существует порой их довольно вольное толкование. Одни исследователи, например, рассматривают общественную психологию и идеологию как сферы, другие - как уровни общественного сознания. Некоторые склонны, не упоминая о сферах, считать, главными в структуре общественного сознания только его формы.

Кстати, последнее мнение несостоятельно, ибо делить на главные и неглавные в элементах структуры общественного сознания нет оснований. Все элементы структуры общественного сознания представляют органично связанную систему, они одинаково важны и выполняют присущие им функции. Формы важны лишь в той мере, в какой они совместно с другими компонентами составляют органическое целое в лице общественного сознания.

Сложность структуры общественного сознания не всегда учитывается и в методологическом плане. В частности, когда пытаются эту структуру понять и объяснить сугубо исходя из внутреннего состояния общественного сознания. Такой подход в частности имеет место, когда структуру общественного сознания рассматривают по аналогии с материальными системами и делят ее на т.н. «части». В этом контексте сознание рассматривается как «неотъемлемая часть «целого» общественного сознания». Более того, исходя из такой позиции делается вывод о том, что «без обращения к «частям», без понимания того, как трактуется сознание в современной философии, невозможно понимание «общественного сознания», как одного из основополагающих элементов духовной культуры общества»[8]. Но с такой точкой зрения нельзя согласиться. К исследованию общественного сознания и его структуры

нельзя подходить по меркам дифференциации материальных объектов.

Дело в том, что, между общественным сознанием как целостным образованием и его отдельными элементами существуют отношения не в плане «целое — часть», а в плане «род — вид». Если мы рассматриваем какой-либо элемент общественного сознания, то оказывается, что отделить его от других элементов и представить в «чистом виде» невозможно. Возьмем, к примеру, такой компонент общественного сознания, как политическое сознание, которое представляет собой совокупность или систему идей, взглядов, чувств, выражающих отношения между классами, нациями, государствами. Политическое сознание получает общественное проявление в программах партий, манифестах, декларациях, лозунгах, заявлениях политических и государственных деятелей и т. п. Если мы проанализируем любой из этих политических документов и высказываний, то обнаружим, что в нем содержатся также моральные, правовые, философские и другие взгляды, посредством которых выражена какая-то политическая идея или программа. Иначе говоря, в политическом сознании представлены идеи, взгляды и чувства всех других форм общественного сознания. Идеи политического сознания нуждаются в моральном оправдании, правовом обосновании с точки зрения законности, апеллировании к чувствам людей, их психологии и т.д. Аналогичная картина наблюдается и в правовом сознании, которая, как система, содержит элементы политического, морального, философского и других видов сознания, потому что не может быть построено и выражено без участия этих элементов. Если изъять из правового сознания политические, моральные, философские и другие «неправовые» взгляды и представления, то мы не получим никакого «чистого»

правового сознания, поскольку тем самым ликвидируем его вообще. То же самое относится к идеологии, которую, как систему идей, также невозможно целиком «отделить» ни от науки, ни от общественной психологии, поскольку в идеологии органически содержатся как отдельные научные представления, так и элементы общественной психологии. Сама идеология, ее элементы представлены и в науке, и в общественной психологии, и в видах общественного сознания.

Таким образом, если фактически невозможно полностью отделить и представить как «часть» любой элемент общественного сознания, это означает, что к общественному сознанию вообще не применим принцип деления на части (целое — часть). Поэтому необходимо искать другие критерии, позволяющие разграничивать, отличать друг от друга элементы общественного сознания.

В работах классиков марксизма, по существу, дается ответ на этот вопрос. Основным критерий, позволяющий различать явления общественного сознания, следует искать не в самом сознании, а в его объективных проявлениях, в связи сознания с объективной действительностью. «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [9].

В. И. Ленин писал: «...По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует

добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты" [10].

Сознание становится общественным сознанием лишь тогда, когда оно проявляется в деятельности людей, выполняет внешнюю практическую функцию, служит духовным средством в изменении мира человеком. Отдельные явления общественного сознания возникают в связи с практическими потребностями общества и обслуживают определенные виды человеческой деятельности и общественных отношений. Маркс писал, что «люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категория соответственно своим общественным отношениям» [11].

Таким образом, прослеживая связь тех или иных явлений общественного сознания с определенными общественными потребностями, видами деятельности и общественных отношений, мы можем на этом основании различать явления общественного сознания, т.е. исследовать его структуру, функции отдельных элементов. Общественное сознание в целом обслуживает общественное бытие, и в этом смысле может рассматриваться как функция общественного бытия. Отдельные стороны, виды общественного сознания обслуживают определенные виды деятельности и общественных отношений, включены в какой-либо вид деятельности и отношений, выполняя при этом определенные функции. В области духовного производства имеется своеобразное разделение труда (сферы, виды, уровни общественного сознания, их различная роль в общественной жизни), которое, в конечном счете, определяется разделением труда в материальном производстве различием сторон в области материального производства. Эта зависимость не является

прямой и однозначной, а предполагает относительную самостоятельность общественного сознания, его активное влияние на другие стороны общественной жизни. Взаимодействие материального и духовного производства в определенной мере опосредовано надстроечными отношениями, которые связаны с разными сторонами, как экономических отношений, так и общественного сознания. Так, каждый из видов общественного сознания включен в определенные общественные отношения, является субъективной стороной этих отношений.

Наряду с названным критерием (связь явлений сознания с видами общественной деятельности и отношений) имеются и другие критерии, позволяющие разграничивать явления общественного сознания. Такими критериями служат те особенности явлений общественного сознания, которые характеризуют процесс познания или отражения объективной действительности: что отражается в том или ином явлении общественного сознания (какая сторона действительности), каким способом или в какой специфической форме происходит отражение, каков уровень отражения или познания объекта и т.п. Соответственно указанным критериям структура общественного сознания может рассматриваться в двух основных аспектах: гносеологическом и социологическом. Первый гносеологический характеризует то, как общественное сознание, его компоненты отражают реальности общественного бытия. Социологический, соответственно какую роль играет общественное сознание, его компоненты в функционировании социума (общества).

Исходя из данных двух аспектов собственно и выделяются формы познания, формы (виды), сферы и уровни общественного сознания. К формам познания относят- эмпирическое и теоретическое познание,

художественно-образное и научное познание и др. В основе критериев разграничения форм общественного сознания выступают: предмет отражения, особая сторона или аспект общественного бытия; способы, приемы и методы отражения общественного бытия; особенности возникновения и развития каждой из существующих форм; социальные функции каждой из форм общественного сознания. При этом, виды общественного сознания (или формы, как их чаще называют по традиции), а также идеология, общественная психология и наука не являются структурными образованиями в чисто гносеологическом плане. Хотя они и различаются по уровням, способам, видам отражения и т. д., но признаки отражения не составляют существенной стороны этих духовных явлений, а сами определяются ею, выступают как вторичные, производные признаки. Идеология, общественная психология, наука структурными компонентами общественного сознания больше выступают в социологическом аспекте.

Критериями выделения этих компонентов общественного сознания являются их связь с определенными общественными потребностями в смысле обратного влияния на общественную жизнь, а так же соответствующие этому функции сознания. Имеется в виду связь с потребностями конкретных субъектов сознания, которыми являются классы, нации, народы. Общественные потребности субъектов сознания выступают как их интересы.

Каждая из форм общественного сознания состоит из двух уровней. Здесь уже выступает во всей его значимости гносеологический аспект структуры общественного сознания, который в научной литературе именуется по разному. Некоторые исследователи склонны их называть уровнями – обыденным, а другой

теоретическим. Скажем, политическое сознание состоит из политического обыденного сознания и политического теоретического сознания. Или правовое сознание – из обыденного правового сознания и правового теоретического сознания. И т.д. Другие исследователи, традиционно находят в каждой форме общественного сознания уровень психологии и уровень идеологии. Этот подход, как мы ранее отмечали, существует еще с середины 60-х годов XX в. Тем, не менее, в связи с подобным разграничением, выступает вопрос о том, как соотносятся обыденный уровень каждой формы общественного сознания с его психологией. Правильнее, на наш взгляд, обыденный уровень формы общественного сознания констатировать как повседневный, бытовой, с включением в свое содержание и психологических и рационально-здоровых элементов сознания. В то же время, психологический уровень определять как эмоционально-чувственный.

Понятие сферы общественного сознания более широкое. Все психологические уровни форм общественного сознания составляют сферу общественного психологии. И соответственно, все идеологические уровни общественного сознания характеризуют сферу общественной идеологии.

Здесь в целом, вполне можно согласиться с Б.А.Грушиным: «Входящие в его (общественного сознания – К.С.) крупные образования, имеющие системный характер, - пишет он, - обладают своей структурой. Поэтому мы с полным основанием говорим о структуре идеологии, структуре религиозного сознания и т.д. Однако все это множество структур – не структуры общественного сознания в целом, а структуры отдельных образующих его подсистем» [12].

Каждый из компонентов входящих в общественное сознание, образуя нечто целое, в свою очередь имеет свою структуру. В этом проявляется многогранность общественного сознания, что является характерным для компонентов духовной области. Богатство общественных предпосылок, разнообразие тех корней, из которых вырастают элементы сферы общества, объясняют в определенной мере богатство и разнообразие компонентов духовной сферы. Видимо, это разнообразие не может служить поводом для сомнений в том, представляют ли собой выделенные элементы нечто единое в родовом отношении, составляют ли они в целом единую духовную сферу общества.

Но если с позицией относительно многогранности содержания общественного сознания у ученых нет сомнений, то этого нельзя сказать в отношении проблемы форм выражения его структуры. Некоторые исследователи высказывают возражение против рассмотрения гносеологического и социологического аспектов структуры общественного сознания. Так, Р.И.Зекрист отмечает: «Вызывает вопросы выделение представителями исторического материализма аспектов-структур общественного сознания – гносеологического и социологического» и далее, она пишет - «Получаются очевидные нестыковки ... непонятно, почему гносеологический «аспект» сопоставляется с социологическим «аспектом» (или, что то же самое в данном случае, противопоставляется ему) Словосочетание «социологический аспект» - туманно: то ли оно относится к науке социологии, то ли к социуму...»[13].

Нам представляется, что в выделении данных двух аспектов структурирования общественного сознания не ничего «туманного». Но для начала напомним, что

согласно Випидекии - аспект (от лат. *aspectus* — вид, облик, взгляд, точка зрения) — одна из сторон рассматриваемого объекта, то, как он видится с определённой точки зрения. А теперь о наших возражениях. Во-первых, не следует забывать, что в данном случае речь идет о духовном феномене природа, которой состоит в отражении материальной жизни. Отсюда, следовательно, общественное сознание вполне естественным образом выступает в гносеологическом аспекте, отражая в своих слагаемых духовных компонентах (уровнях, формах и пр.) первичный материальный фундамент жизни общества. Во-вторых, будучи духовным продуктом, его основополагающей основы общественное сознание не может не играть определенной роли в обществе, не взаимодействовать с другими сторонами социума. Этим самым, общественное сознание, органично, обратим внимание, своей спецификой функционирования выполняет социологическую функцию, так же, как и гносеологическую. Т.е. здесь нет ни сопоставления, ни тем более противопоставления.

Как социологический, так и гносеологический срез структуры общественного сознания, представляются необходимыми. Социологический аспект выражает структуру общественного сознания с точки зрения социальной роли его внутренних элементов в обществе, места их относительно друг друга, функционального проявления каждого из них. И здесь вполне правомерным представляется употребление терминов «формы», «сферы» общественного сознания. Гносеологический срез структуры общественного сознания характеризует то, как его элементы отражают общественное бытие, что логично выразить в тех или иных уровнях отражения. Исследователи, в гносеологическом аспекте выделяют

обыденный и теоретический уровни общественного сознания.

И гносеологический и социологические аспекты выступают естественными проявлениями функционирования общественного сознания. Убрав их, мы тем самым лишим в общественном сознании самого механизма его не только функционирования, но и существования. Иных аспектов рассмотрения структура общественное сознание не имеет. Наличие этого единого и создает основу для рассмотрения структуры общественного сознания. Но эта структура может быть представлена в дифференцированном виде, только если общественное сознание рассматривается и в гносеологическом и социологическом аспектах.

Мнение о том, что кроме гносеологического и социологического аспектов существует еще конкретно-исторический срез (по общественно-экономическим формациям, конкретным цивилизациям, состоянию массового сознания – мода, слухи, общественное мнение и пр.), неправомерное, ибо эти слагаемые, за исключением состояния массового сознания представляют собой внешние факторы не имеющие отношения к самому феномену «общественное сознание». Не совсем логичным представляется и предложение Р.И.Зекрист о том, что «грамотнее будет говорить о социокультурной определенности и детерминации познания». Но ведь никто не отрицает, что познание есть социальный феномен и социальный процесс. Это фундаментальное положение марксизма скорее свидетельствует не только о реальности, но и единстве гносеологического и социологического аспектов структуры общественного сознания. К тому же при всей важности данная аксиома о социальной обусловленности

познания не имеет отношения к фиксации конкретной структуры компонентов общественного сознания.

Поэтому на наш взгляд, есть основания не согласиться с однозначно, категорическим суждением о том, что «структура общественного сознания, которая разрабатывалась в историческом материализме, особенно ее «гносеологический» и «социологический» аспекты, должна быть отброшена»[14].

Любой компонент духовной сферы, через которые выражается общественное сознание в том числе (художественное произведение, спектакль, поэма и т.д.) органично включает в себя и социологический и гносеологический аспекты их рассмотрения. Скажем, например, отзывы общественности о спектакле, оценки содержания пьесы, игры актеров и пр. отражают социологический аспект того или иного художественного произведения. В то же время, уровень реалистичности произведения, отражения в художественной форме социальной реальности представляет собой гносеологический срез того или иного конкретного произведения искусства.

И гносеологический и социологический аспекты проявляются во всех формах общественного сознания. Скажем, политическое сознание в социологическом плане существует на уровне политической психологии и политической идеологии. И в то же время, в гносеологическом плане политическая психология есть обыденный уровень политического сознания. В том же гносеологическом контексте, политическая идеология представляет собой уже более высокий, теоретический уровень политического сознания. И подобная дифференциация социологического и гносеологического среза проявляется в срезе любой формы общественного сознания (правовом, эстетическом, моральном,

религиозном, философии). Правда, здесь особняком стоит наука, которая выступает теоретическим сознанием.

Подобные же аспекты проявляются и в сферах общественного сознания. Несомненным, скажем, является социологический аспект общественной психологии, общественной идеологии, науки, ибо роль их, влияние на другие области социальной жизни в любом обществе значительны. В то же время, каждая конкретная сфера, взятая в отдельности по своему отражает общественное бытие, реализуя тем самым гносеологический аспект структуры общественного сознания. Если общественная психология представляет собой эмоционально-чувственное отражение, то общественную идеологию и науку характеризует понятийно-категориальное, теоретическое отражение социальной реальности, общественного бытия.

Как компоненты гносеологического так и социологического аспектов структуры общественного сознания динамично меняются. Но если в гносеологическом срезе эти изменения характеризуют уровень познания реальности, то в социологическом контексте в зависимости от конкретно-исторического времени выступает более повышенная роль того или иного компонента общественного сознания. В частности, примечательным знаком современности является довольно высокая роль в современной структуре общественного сознания т.н. массового сознания.

Массовое сознание и его проявления действительно вызывают все возрастающий интерес, как теоретиков, так и практиков. Ведь сегодня согласимся не надо быть особо быть проницательным, чтобы не видеть, что именно XX и начало XXI века наглядно демонстрируют в бурных событиях самых разных стран повышенную роль социальных носителей такого сознания – масс. Подобный

век масс даже побуждает некоторых исследователей массовое сознание отождествлять с общественным.

К сожалению, необходимость углубленной разработки исследования массового сознания долгое время в историческом материализме недооценивалась. Функционирование массового сознания, в частности связывалось только с буржуазным обществом и оно рассматривалось как продукт т.н. «массовой культуры», следствие упадка духовности и господства в обществе потребительских настроений. В исследованиях, массовое сознание нередко трактовалась как синоним обывательского, наивного, вполне очевидного и пр. сознания. Главным, считалась сознание теоретического уровня, которое де надо было постоянно поднимать с помощью пропагандистской работы, что ставило в более приоритетное положение сферу идеологии. И лишь в последние десятилетия интерес к научной разработке массового сознания стал проявляться особенно активно. И виной тому стали процессы реального осмысления громких современных общественных события. В частности, конец XX начала XXI века показал, что за появлением и неожиданными поворотами современных политических и социальных катаклизмов в мире довольно определенно высвечивается феномен массового сознания. Отсюда стали появляться интересные работы, которые главным образом исследовали роль массового сознания в развитии в процессах советской перестройки (Кара-Мурза), в условиях системного кризиса (Ш.К.Горшков), информационных войн (Г.Г.Поченцов), формирования общественного мнения (С.В.Харченко) и др.[15].

Ныне общепризнано, что массовое сознание - феномен общеисторического плана и он присущ не только буржуазному, но и любому другому обществу.

Согласно К.Марксу, исходным, в развитии массового сознания выступает массовое бытие, состояние конкретного общества в конкретный период. В современной же науке больше апеллируют при объяснении динамики массового сознания к такому понятию как «масса». В частности, испанский философ Х.Ортега-и-Гассет полагал, что массовое сознание отражает состояние массы, или т.н. «человека-массы». Однако более целесообразно массы рассматривать как посредствующее социальное звено между состоянием массового бытия и собственно массовым сознанием. В качестве таких посредствующих социальных звеньев влияющих на массовое сознание дополнительно выступают так же разнообразные социальные отношения и институты – общественная система образования, классовые отношения, массовая культура, быт и пр.

Есть определенный элемент дискуссионности и в том, что понимать под понятием «масса». Первоначально в истмате считали, исходя из наследия марксизма, что массы - это трудящиеся, которые имеют непосредственное отношение к историческому действию, т.е. это революционная часть общества. Согласно В. Ленина массы - это эксплуатируемая часть общества, которая не существует вне борьбы, вне активной деятельности. В таком толковании массы выступали радикальной частью социума, являлись «революционной массой» противоположной «обывателю». Народные массы тем самым – это творцы исторического процесса, имеющие свою активно-творческую позицию.

Исходя из данного понимания массовое сознание в истмате ассоциировалось либо с сознанием классов, либо с сознанием трудящихся масс, что вело к отождествлению

этого понятия с групповым сознанием с одной стороны, или общественным сознанием с другой.

Сегодня социальная философия преодолела идеологический подход к понятию «масса», что не могло не повлиять по изменению представлении о массовом сознании. В принципе носителем массового сознания в реальной общественной жизни может выступать любая общность людей. Это не только классы, не только трудящиеся, но и такие понятия, как толпа, публика, аудитория, армия и пр. Более того, испанский философ Х.Ортега-и-Гассет применяет понятие массовое сознание даже к отдельно взятому индивиду, называя его «человек-масса». По его мнению «человек-масса» - это определенный тип человека, а не определенный общественный класс. Принадлежность к массе – чисто психологический признак, ибо человек массы чувствует, что он «в точь-в-точь, как все остальные», «масса – это средний заурядный человек»[16].

Один из основоположников немецкой философской антропологии М.Шелер так же считал, что современный человек является только частью массы, а не относительно свободной и автономной частью структуры целого. Масса в его понимании –это бессубъектный субъект, это плохо структурированное образование, обладающее всегда определенными границами, но которые почти невозможно определить.

На наш взгляд, точка зрения Х.Ортега-и-Гассета о том, что отдельно взятый человек выступает носителем массового сознания заслуживает внимания. В широком плане в принципе в реальной жизни любой человек

является носителем того или иного вида массового сознания.

Основанием для подобного утверждения является само содержание понятия «массовое сознание», которое целесообразно определять в соотношении со «специализированным сознанием». Ведь научные представления, идеологические взгляды на первых порах всегда выступают как специализированное сознание в виде теорий, концепции и первоначально являются достоянием немногих людей. Однако в содержание массового сознания входят не столько цельные концепции, теории, а сколько их разрозненные обрывки, по своему массой истолкованные, перемешанные с иными концептуальными представлениями. Основное же содержание массового сознания составляют знания, представления, вырабатываемые всей массой членов общества в процессе их практики: народное творчество, фольклор, верования, ожидания, т.н. «народная философия» и пр. В массовое сознание входят так же такие понятия, как общественное настроение, общественная атмосфера, общественный климат и др. его виды. Тем самым субъектами и творцами массового сознания выступают все члены общества. И в этом плане и существует понятие массового сознания общества.

Но ведь люди в обществе объединены в различные социальные отношения в процессе своего общения, что выступает основой образования многочисленных социальных групп. В социальных группах, опять же в сопоставлении со специализированным сознанием существуют свой специфические подразделения массового

сознания на уровне скажем профессиональных, гендерных групп, молодежи, солдат и т.д.

Таким образом, при таком толковании, массовое сознание предстает весьма широким понятием, охватывающим не только сознание общества, но и сознание социальных групп, входящих в социум. Подобная широта содержания массового сознания приводит к тому, что некоторыми она ассоциируется с общественным сознанием. Но такая позиция не может быть признана, ибо последнее понятие шире, так как она включает идеи и теории системного характера, специализированное сознание, которые отсутствуют в массовом сознании.

Однако, тем не менее, содержательные составные массового сознания достаточно велики, что придает им весомую роль в структуре содержания общественного сознания. Массовое сознание в широком смысле есть сознание больших масс людей, народа. При дифференцированном подходе органическими составными массового сознания выступают обыденное сознание и сознание толпы. Обыденное сознание появляется под влиянием факторов повседневной жизни, определенных средств и прежде всего сегодня под влиянием современных средств массовой информации. Непосредственно отражая действительность на привычном, реально-практическом уровне она концентрировано выражает народный здравый смысл, в то же время включает в себя и элементы теоретического, научного знания. Это – сознание неглубокое, не отличающееся познанием сущности явлений, характеризующееся поверхностной оценкой явлений и предметов действительности

Основанием выделения обыденного сознания в структуре массового выступает его противоположность теоретическому (специализированному) сознанию. Формы

общественного сознания в реальной социальной жизни, помимо высокой, идеологической области, по своему оценивается, а самое главное воспринимается, толкуется тысячами, миллионами людей в обществе во многом именно в массовом восприятии, точнее его области – обыденном сознании. Какие бы высокие, к примеру, политические документы не принимались, они адресатом своим имеют область массового, обыденного сознания. Подобное в полной мере относится и к правовому сознанию, любой другой форме общественного сознания, где идеологическая (теоретическая) составная непременно связана с осмыслением, пониманием его содержания на уровне массового(обыденного) сознания, на котором она вызывает не только эмоциональную реакцию, но и прежде всего и главным образом понимание на т.н. «обывательском» уровне.

. Некоторые склоны обыденное сознание отождествлять с общественной психологией, с чем нельзя согласиться. Бесспорно, психологические составные в виде эмоции, чувств сопровождают функционирование обыденного сознания, ибо, как мы уже отмечали ничто в жизни людей не делается без проявлений общественной психологии. Но последнее в обыденном сознании занимает не доминантное место, ибо характерными признаками обыденного сознания являются рассудочно-бытовые элементы.

Обыденное сознание не тождественно с массовым, а входит в него, является его органической составной. Французский историк Марк Блок, в попытке осмыслить реальную роль общественного сознания в своем труде "Апология истории" предложил изучать его доминанту - повседневное или обыденное сознание, которое, по его мнению, дает возможность максимально верно понять,

почему в данной стране, в данное время происходили именно эти, а не другие события. Он справедливо утверждал, что надо изучать не жизнь царей и королей, не сами события как таковые, а именно сознание большинства, потому что ход истории определяется именно этой специфической формой общественного сознания и никакой другой [17]. Если разобраться то здесь по существу речь идет о массово-обыденном сознании, с которым любая общность людей каждодневно живет, социально функционирует, решая повседневные дела.

Доминирующими, специфическими слагаемыми обыденного выступают рациональные компоненты (житейские понятия, суждения, идеи и пр.) не высокого, бытового уровня. Но массовое сознание помимо обыденного, дополнительно включает в себя и такой важный компонент, как сознание толпы, специфика которой внешне выражается в агрессивно-эмоциональные проявлениях .

Сознание толпы специфично, ибо входя в содержание массового сознания отнюдь не сводимо к обыденному. В ней в отличие от обыденного, которое построено на рассудочно-бытовых рассуждениях, преобладают иррациональные элементы, при этом спонтанного, нередко агрессивного плана. Толпа, как известно не рассуждает, а повинуетя страстям. В толпе, как правило, даже культурный человек начинает действовать бессознательно; он теряет собственное «Я». В нем верх берут инстинктивные, иррациональные начала [18]. Типичные признаки человека в толпе, по мнению западных исследователей, следующие: обезличенность, преобладание

чувств над разумом и импульсивность, утрата интеллекта, утрата личной ответственности. Поведение толпы обычно стихийно, в своих действиях она не руководствуется традициями, культурным опытом, наружу прорываются общие для всех подсознательные импульсы. Единство чувства и идей устанавливается не с помощью разума, а с помощью внушения или вербального заражения.

Массовое сознание (в лице обыденно-рассудочных и эмоциональных компонентов, плюс сознание толпы) таким образом выступает органическим слагаемым всех элементов общественного сознания исключая его теоретически-системную часть. При этом как обыденно-бытовое истолкование реальности, так и эмоциональная реакция на нее выражаются вкупе, как совокупное проявление массового сознания.

Противоречивость, склонность к однозначному, поверхностному осмыслению событий, а отсюда, как порой бывает, эмоционально-иррациональная реакция людей на них активно используются политиками и демагогами от власти в целях манипуляции массами. Так было в истории, особенно при его радикальных поворотах и событиях. Так, происходит и в наши дни, когда средства массовой информации, прежде всего телевидение, Интернет выступают мощными и эффективными средствами манипуляции массами.

Как объект манипуляции массовое сознание в современную эпоху выступает в различных формах. Во-первых, сегодня массовое сознание постоянно, ежедневно под определенным тенденциозным углом обрабатывается Интернетом, телевидением в угоду интересам государственной власти.

С другой стороны, по своим имманентно внутренним характеристикам массовое сознание выступает удобным и эффективным средством в руках тех или иных социальных сил для дестабилизации социального строя, проявлении крайних форм радикализма масс, демонстрации, шествии направленных против властных сил.

Массовое сознание, вопреки мнению некоторых отнюдь не консервативно, ибо то же меняется, порой динамично, как и любой компонент общественного сознания. Динамика этого изменения происходит не только в силу того, что происходит общее повышение теоретического уровня сознания людей. Массовое сознание способно меняться так же и под влиянием тотального проникновения продуктов «массовой культуры» в повседневную жизнь, процессов глобализации, вестернизации, которые, в частности, происходят в наши дни. Однако, при всем значении отмеченных данных социальных факторов, все же глубинными основами развития как общественного сознания в целом, так и массового сознания в частности, выступают изменения материальных основ общества.

Фундаментальную роль экономики, или как его определяют в социальной философии «общественного бытия» даже сегодня в век непопулярности марксизма мало кто отрицает. Хотя в современных исследованиях данная тема не столь модна, как раньше. Но, полагаю, что методологическая роль материалистического понимания в исследовании общественных процессов по прежнему актуальна, ибо подтверждается всем ходом развития современных социальных реалии. Безусловно, это не

означает, что здесь для подтверждения данной с нашей точки зрения аксиомы необходимо повторять известные азы исторического материализма. Напротив, задача скорее в другом, как раз попытаться несколько критически показать отдельные теоретические несообразности в современном понимании материалистического понимания истории.

Так, прежде всего, это касается сущности понимания основного общесоциологического закона истории. Как известно в предисловии к работе К.Маркса «К критике политической экономии» сказано: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [19]. В принципе – это и есть выражение материалистического понимания истории.

Ранее в «Немецкой идеологии» в частности, сказано: «Сознание[Das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием[das Bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [20]. Здесь К.Маркс акцентирует внимание на том, что сознание есть общественный продукт, ибо оно вырабатывается в совместной деятельности людей. И в период работы на «Капиталом» К.Маркс писал, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят» [21].

Вопреки позиции некоторых современных исследователей между приведенными мыслями К.Маркса нет противоречий. То, что сознание появляется и функционирует только, как результат общественной деятельности не только согласуется, но и логично вытекает из того, что оно определяется самими обстоятельствами социальной жизни, общественным бытием.

Есть, на наш взгляд неточности и в современных пониманиях самого понятия «общественное бытие» Так, некоторые склоны расширительно толковать понятие общественного бытия, как всей «окружающей социальной

жизни, или всего социокультурного комплекса развития общества»[22].

Конечно, вполне логично предположить, что на общественное сознание влияет вес комплекс социокультурных компонентов общества. С этим вполне можно согласиться. В известной мере – эта позиция, вытекающая так сказать, из здравого взгляда человека на социальный мир. Тем не менее, как представляется, нет оснований считать, что общественным бытием является социокультурная область жизни общества.

И дело здесь не только в излишне расширительном толковании состава общественного бытия. Главное, пожалуй, в том, что компоненты «социокультурного комплекса общества» выступают по своей роли опосредствующими механизмами влияния способа производства на общественное сознание. Фундаментом исторического и современного общества, как в прошлом, так и настоящем выступает материальное производство, общественное бытие. Влияние способа производства, как производственных отношений, так и производительных сил на общественное сознание проявляется как прямо, так и опосредовано через социокультурные слагаемые общества. Иначе говоря, способ производства по прежнему представляет собой конечную основу всех изменений такого сложного комплекса, каковым является общественное сознание.

В частности, К.Маркс и в особенности Ф.Энгельс неоднократно в своих работах отмечали, что влияние общественного бытия на общественное сознание являясь, в конечном счете, определяющим происходит через самые различные посредствующие социальные механизмы – классовые, политические, культурные, национальные и пр. отношения[23].

Необходимость правильного понимания отношений общественного бытия и общественного сознания особенно важна в наше, современное время, когда мощнейшие средства информации, Интернет, другие медиасредства буквально каждодневно обрушивают горы информации под маской их объективности и истинности. В результате создается, особенно для массового сознания иллюзия, что решение тех или иных социальных проблем зависит от бурных социально-информационных баталий в СМИ, Интернете, воли тех или иных личностей, политиков, исхода борьбы тех или иных мнений и пр. В действительности, за политической трескотней, пропагандируемыми идеями массовой культуры, реформаторскими действиями нередко проявляются действительные интересы экономически и финансово господствующих современных социальных сил, уже сегодня, не только конкретного государства, а что более верно для нынешнего времени – мировых сил.

В способе производства, как общественном бытии, как нам представляется, речь должна идти об учете влияния обеих сторон способа производства, как влияния производственных отношений, так и производительных сил на изменения общественного сознания, которые в известной мере разнятся между собой. Как известно, в работах классиков марксизма, особенно в «Капитале» довольно конкретно иллюстрируется влияние именно обеих сторон способа производства на развитие общественного сознания капитализма.

Одной из односторонностей исторического материализма было то, что влияние общественного бытия в основном исследовалось в т.н. «революционном ракурсе», как фундамент подготовки социальной революции, перехода к новому качеству общественного сознания. Тем самым, невольно делались акценты на изучение радикализации

общественного сознания под влиянием революционных изменений производственных отношений. Как результат, исследовались основные социально-классовые признаки нового общественного сознания. Из поля внимания исследователей упускалась динамика изменения общественного сознания, как качественная, так и эволюционная, в рамках определенного типа общественного сознания. А здесь уже влияние на общественное сознание оказывают не только производственные отношения во взаимодействии с производительными силами, но и последние в отдельности.

Хотя воздействие производительных сил на общественное сознание нельзя преувеличивать, что, кстати, имело место в истории социально-философских исследований. К слову сказать, и ныне чаще можно встретить стремление в современных работах объяснять динамику изменения общественного сознания только требованиями технологии современного производства. Но при признании значения производительных сил замалчивается, затушевывается важнейшая составная общественного бытия - характер собственности в современном обществе, производственных отношений, которые определяют основные, каркасные признаки общественного сознания.

Влияние производственных отношений, т.е. формы собственности обуславливает в принципиальном плане характер общественного сознания, который, как известно, может быть антагонистическим, так и неантагонистическим. И сегодня в XX и начале XXI века классово-экономические отношения в современных обществах по-прежнему, выступают как отношения господства и подчинения. Сегодня она все более отчетливо проявляется т.н. транснациональных формах, когда экономически и финансово состоятельные социальные силы

одних стран диктуют политические режимы и духовное состояние других, подвластных им государств. Хотя при этом эти отношения всячески завуалируются, господство частной собственности в его транснациональных формах затушевывается т.н. «общечеловеческими ценностями». В реальности, современные социально-экономические отношения и прежде всего классовые, основанные на форме собственности по прежнему, выступают основополагающими в понимании современного общественного сознания, характера его развития.

В то же время воздействие производительных сил преимущественно сказывается на изменениях традиционного сознания, придания ему современного характера. Обратим внимание, Н.Назарбаев, в работе «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» процесс трансформации современного общественного сознания казахстанцев ставит, прежде всего, от изменения технологической, инновационной базы республики.

И сегодня, в век кардинальных социальных изменений, способ производства, как основа современного общественного бытия по прежнему не потерял своего фундаментальной значения в объяснении исторических и общественного развития. Общественное бытие, взятое в его слагаемых, как в виде производственных отношений, так и производительных сил как и раньше в истории выступают исходными, изначальными в объяснении всей гаммы надстроечных и духовных отношений.

Отсюда важно, чтобы и сегодня в понятийном аппарате социальной философии категория «общественного бытия», оставалась в качестве важнейшего механизма объяснения не только истории, что сегодня чаще всего встречается, но и исследования современного общества. Факт остается фактом: несмотря на всю современную

критику марксизма, пока нет фундаментальных опровержений материалистического понимания истории. Именно общественное бытие являлось и продолжает являться исходным в понимании структуры и механизмов развития и функционирования общественного сознания. И в современных условиях изоциренных «информационных атак» на сознание людей, марксистский основной методологический инструментарий продолжает играть незаменимую роль в понимании действительных механизмов состояния и развития современных общественных систем.

Национальный код и общественное сознание.

Как известно, лидер нации Н.Назарбаев задачу модернизации общественного сознания Казахстана ставит в связь с сохранением и учетом национального кода народа. По мнению Н.Назарбаева «сохранение своей культуры, собственного национального кода» выступает условием модернизации общественного сознания казахстанцев: «...это платформа, соединяющая горизонты прошлого, настоящего и будущего народа». [24]. Отсюда возникает вопрос, а что собой представляет феномен национального кода и как он в процессе духовной модернизации выступает связанным с общественным сознанием Казахстана ?

Изучение национального кода является одним из основных ключей к пониманию сущности всякой нации. Ведь по своему значению национальный код характеризует

глубинные, связанные с душой нации его отличительные признаки. Не удивительно, что советская господствующая идея интернационализма игнорировала его роль в жизни нации, что, в конечном счете, объяснялось политико-идеологическими причинами советского режима. Достаточно, в частности, отметить, что не только «национальный код», но и его основная составная, как менталитет нации в историческом материализме и в целом гуманитарных науках имели в то время довольно скромное распространение.

Отсюда на сегодня «национальный код» относится к разряду малоразработанных философско-культурологических понятий. Известно, что, термин «код» довольно активно исследуется в такой области научного знания, как семиотика, где он характеризуется как система, включающая в себя структуру знаков и правила их функционирования. Задача семиотики – в дешифровке искусственных языков. Код в этой науке выступает как система знаков, и свод правил, по которым производится шифровка, расшифровка, перенос и хранение информации.

Понятие «код» зародилось первоначально в научно-технической среде (код Морзе, генетический код). Отсюда оно используется и практически внедряется в технических системах, в частности, информационных, кибернетике. В этих областях научного знания «код» выступает как выражение определенных формализованных компонентов, отношений, в которых они существуют и функционально себя проявляют. Ученые обращают внимание на то, что кодовая система носит запрограммированный характер, несет в себе элемент предсказуемости. Представителями естественно-технических наук в качестве универсальных звеньев феномена «код» выделяются алфавит кода, как система знаков, принятых для образования кода (цифры,

буквы, и др.); основание кода – это число знаков в алфавите кода; разряд кода - позиция знака в коде; длина кода – характеристика чисел знаков в коде без учета пробелов.

В энциклопедическом словаре дается такое определение понятию: «Код (франц.code) – это совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания)»[25]. Добавим, что наиболее часто для кодирования информации используются буквы, цифры, числа, знаки.

Специалисты отмечают следующие ритмично проявляющиеся характеристики всякого кода, выступающей в качестве конкретной системы:

- наличие исходного механизма, обуславливающее определенную динамику изменений процессов системы
- причинно – функциональную связь, последовательную смену определенных звеньев (циклов) процессов
- ритмичность и цикличность функционирования системы,
- программированность работы системы, что позволяет давать ей один и тот же заключительный результат.

Современные исследователи отмечают, что понятие кода довольно широкое и функциональное, его используют для понимания и организации не только вербальных систем, но невербальных (например, азбука Морзе). Но до сих пор распространена несколько односторонняя на наш взгляд точка зрения, что понятие «код» относится только к представлениям о искусственно созданной структуре со своей внутренней и внешней договоренностью. Так, в частности, советский ученый-семиолог Ю.М.Лотман

считал, что понятие кода уже психологически настраивает нас на автоматическую, «машинную» модель общения (коммуникации) и искусственный язык...[26].

С наших позиций, нецелесообразно код ограничивать только искусственно созданными системами, работой технических систем. Под данное понятие подпадают и явления развивающиеся как природно, так и социально. Рамки содержания понятия «код» в этом случае выступают не просто широкими, а всеобщими.

Код - универсальный феномен, проявляющийся в деятельности не только искусственно созданных систем, но и различных явлениях природы общества и мышления. В частности, вопреки Ю.В.Лотману, не только искусственный, но и естественный язык (в формальном выражении) функционирует на началах кода. Код в определенном смысле слова характеризует повторяющиеся, необходимые отношения, которые несут в себе элемент предсказуемости и имеют своим результатом изменение в данном предмете именно это, а не нечто другое. К коду тем самым успешно могут быть отнесены любые законы природы, общества, мышления, ибо в них вполне конкретно проявляются вышеотмеченные характеристики кода. Тем самым есть основания рассматривать код как философское понятие, обладающее всеобщностью. Правда, в законах код характеризует не все, а только повторяющиеся, необходимые связи и отношения явления и предметов мира. Можно сказать, что код выражает глубинные, связанные с сутью предметов отношения, определенные, периодически повторяющиеся циклы изменения предмета. Пересекаясь с законом, код не выступает полностью тождественным с законом, а является по сути внешней формой его выражения, характеристикой природной или искусственной запрограммированности изменений того или иного явления, предмета.

Нас в данном случае интересуют проявления кода в социальной системе. К слову сказать, на принципах кода построена деятельность многих общественных институтов и организации. Такова, например, деятельность государства и его внутренних политических структур, общественных объединений, политических партии, деятельность ведомств, предприятия и т.д.

В частности, изложение механизма действия кода в деятельности государства классически, на наш взгляд, изложил в своей теории М.Вебер. Он, как известно, считал, что деятельность бюрократического канцелярского аппарата является эталоном порядка и аккуратности государства. Подобную слаженность в работе политической организации он связывал с «социальным кодом» в функционировании госаппарата, хотя он этот термин буквально не употреблял. Иерархия социальных отношений в аппарате согласно принципу «подчиненный-руководитель» построена идеально, каждый на своем месте добросовестно выполняет свою функцию и неукоснительно подчиняется вышестоящему служебному лицу. Получается в итоге определенная связь функционального и причинно-следственного характера, где конкретное лицо выполняет возложенную на него служебную миссию и как итог получается периодически повторяющийся ожидаемый общий, а именно позитивный результат.

Но если реален в институтах социума «социальный код» возможно ли говорить о таком же наличии такого феномена как национальный код, которая затрагивает довольно сложную и неопределенную область современного общества, как нация. Существует ли по аналогии подобная некая запрограммированность, характеризующая код, применительно к коду нации ?

На все эти вопросы можно, как нам представляется, ответить вполне утвердительно и сослаться на то, что и в

научной литературе понятия «национальный код», «культурный код», «национально-культурный код» получили довольно широкое распространение и особенно в последнее время. Хотя, как нам представляется, эти понятия, толкуются весьма произвольно (особенно в политической и популярной литературе), как не имеющие каких либо строгих содержательных рамок.

Так, депутат Республики Казахстан Юлия Кучинская утверждает, что « формирование национального культурного кода очень важно. Его элементы кроются в языке народа, который передает культуру, традиции из поколения в поколение, это почитание и уважение к истории, предкам, родной земле. Очень важно, чтобы эти ценности очень прочно присутствовали в каждом гражданине».

Примерно такого же мнения придерживается и депутат Мажилиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности Маулен Ашимбаев. «В основе национального кода любой страны, - говорит он, выступая на VI Форуме религиоведов Казахстана, - лежат язык этого народа, его культура, традиции и религия. Уникальная комбинация этих элементов создает неповторимый национальный код любого народа. Эти факторы также влияли на формирование национального кода нашей страны.»[27].

Как видно, в приведенных мнениях под национальным кодом казахстанцев авторы понимают «почитание, уважение к истории», традиции, религия и пр.». Все это верно. Хотя если быть точными упомянутые авторами признаки национального кода присутствуют в каждой нации, в любом народе. Ведь согласимся, нет народов, которые не почитали свою историю, не уважали традиции, своих предков, религию. Если уж добиваться конкретики в

указанных характеристиках нации, то более ближе к истине характеризовать их по линии терминов «доминирование-обычное». Скажем такое качество выражения как «гостеприимство» у казахов – одно из основных, что исторически объясняется естественно приоритетным его многовековым развитием в природных условиях кочевого общества.

И вообще, те или иные психологические признаки в нации, характеризуют отдельное. Но когда они берутся в системном, взаимосвязанном виде тогда они предстают как проявления определенного национального кода, а точнее менталитета, присущего конкретному народу. Проще говоря, по одному психологическому проявлению национального характера нельзя судить о национальном коде и менталитете данной нации. Необходимо подходить комплексно ибо национальный код – есть система специфических психологических проявлений, характерных для представителей данной нации. В частности, язык, культура, традиции, религия взятые во взаимосвязанном виде для характеристики данного народа – конечно система. Но они объединяются и выражаются в каждой нации еще и тем, что мы называем «коллективным подсознательным», «культурно- бессознательным», которые и собственно придают универсальным для всех народов отношениям языка, культуры, традиции, религии – неповторимый национальный характер данного конкретного народа, называемый национально-культурный кодом.

Национальный код выступает как специфическое и в то же время, органическое слагаемое и следствие культуры развития определенной нации. Поэтому собственно и употребляются такие понятия, как «национальный код», «культурный код», «национально-культурный код», которые должны рассматриваться как тождественные. Речь идет о явлениях взаимосвязанных, предполагающих

органическую обоюдную связь данной нации и его культуры.

В философско-культурологическом плане национальный код есть отражение глубинных основ возникновения развития и существования психологии национальной общности, выражение социально-культурной особенности данной нации, выступающее прогностическим инструментарием в оценке проявления стиля мышления и типичного поведения представителя нации.

Проблемы национального кода довольно сложные для исследования, ибо затрагивают в отличие от кодов в материальных системах духовно-гуманитарные аспекты развития и функционирования нации. Не случайно словарь В.И.Даля говорит, что «код – тайна, тайнопись, загадка, секрет, шифр». Американский психоаналитик Клотер Рапай в своей книге «Культурный код» пишет: «Культурный код – это культурное бессознательное. Он определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках. Смысл образов в разных культурах не совпадает»[28]. «Одна из нерешенных проблем двадцатого столетия,- убеждает читателя Рут Бенедикт – заключается в том, что мы до сих пор имеем смутное и предвзятое представление о том, что именно делает Японию страной японцев, США страной американцев, Францию страной французов, а Россию страной русских... Недостаток этих знаний мешает странам понимать друг друга»[29].

Подобная духовная загадочность, некая неопределенность и в то же время, на наш взгляд, вполне практически выражаемая запрограммированность, а это существенная черта всякого кода, исходно определяется

внутренней душой всякой нации - его менталитетом. Национальный менталитет – это остов, фундамент нации, определяющий его существование, специфическое отличие от других нации и народов. Он влияет на все своеобразие выражения культуры народа - его эмоциональное и художественное видение, рациональное восприятие мира, мировоззренческие факторы, общественное настроения (политические, религиозные и т.п.).

Менталитет нации выступает центральным элементом национального кода, выражает душу народа, особенности его психического склада, присущий ему взгляд на мир, влияет на характер поступка человека. Менталитет нации определяет самые разнообразные проявления национального характера – традиции, обычай, проявления гордости народа, эмоциональные чувства народа, привычки, вкусы, ценности и т.д. При этом он имеет довольно широкий спектр своего содержания. И это, отнюдь, не только «стиль мышления», или «образ мышления», что нередко отмечается в научной литературе.

Содержание менталитета в действительности шире. Можно сказать, что в менталитете нации, как качественном ядре культуры нации представлены, переплавлены все факторы его жизнедеятельности. Здесь отсутствует жесткая редукция, которая бы отсекала от ядра национального существования по тем или иным мотивам какие-то факторы жизнедеятельности нации (например, область духовно-бессознательного)

Менталитет нации включает в себя помимо типично рационального и противоречивые по своей природе «вживленные» образы, стереотипы мнений, представления предрасполагающие человека к определенным типам реакций. Иначе говоря, менталитет нации помимо стиля мышления, есть еще и характерный национальный характер, в виде психологических стереотипов,

представлений, мнений, оценок. Компоненты, составляющие менталитет, существуют не в своей разнородной разности, не в своей внешней связанности и сопряженности. Они вливаются в некий сплав, структуру, определяющую предрасположенность представителя нации мыслить, чувствовать и воспринимать мир данным образом, в определенном плане действовать, предпочитать (или отвергать) некие ценности, культурные коды других народов и т.д. Иными словами, менталитет выступает как определенная основа целостного образа жизни нации, детерминирующая как осознанно, так и неосознанно всю линию жизнедеятельности представителя национальной общности. И как результат, менталитет нации определяет характер национального прототипа человека, своеобразие социально-культурного лица языка нации. По своему социально-национальному назначению менталитет, [от лат. mens, mentis — ум и alis — другие] целесообразно рассматривать как сфокусированное культурно-духовное своеобразие определенного народа, нации. Это – не одна или несколько духовных характеристик нации, а некая духовно-психологическое своеобразие национального лица народа. Это присущая определенной нации система ценностей, взглядов, мировоззрения, черт характера, норм поведения, стиля жизни, отличающая его от другой нации. Вполне согласны с мнением проф. В. М. Бызовой, которая под менталитетом нации «понимает систему значений и смыслов в культуре народа ... менталитет –это некая призма, через которую человек смотрит на мир» [30].

Менталитет нации, безусловно, выступает составной слагаемой общественного сознания, точнее его формы –

национального сознания. В этом смысле выступая как некий изначальный компонент национального сознания менталитет представляет собой переплетение и сгусток самых разнообразных его проявлений - психологических, рационально-обыденных эмоциональных, бессознательных. Взятые в подобном суммарном виде по своим проявлениям менталитет лежит в основе отличия одной нации от другой. В этом контексте менталитет тесно связан с национальным характером, хотя они полностью не тождественны между собой.

Отношения менталитета нации и национального характера можно уподобить с сущностью и явлением. Сущность – менталитет нации, глубинная в своей основе духовно-психологическая совокупная отличительная характеристика нации. Она эмпирически невидима, неосязаема, системна. Но она способна проявляться в тех иных чертах национального характера человека, которые вполне фиксируются, не имеют зачастую системного выражения.

Психологически неосознаваемое в менталитете нации занимает довольно весомое место. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто ограничивает содержание национального менталитета «национальной идеей». Ведь национальная идея по своему существу – есть результат духовно-интеллектуальной деятельности национальной элиты, которая привносит ее в национальные массы. Между тем, всякий продукт менталитета нации – это имманентное духовное слагаемое, подспудно рождаемое естественной логикой развития национальной общности.

В менталитете нации важно иметь в виду и исторический срез развития общности, что не всегда учитывается в литературе, особенно популярной. Ведь менталитет нации

складывается в истории длительным, чаще многовековым путем. С позиции историзма в нем выделяются менталитет народа и собственно нации. Первый выражает общие ментальные характеристики народа, в котором все еще имеют место серьезные проявления родового, племенного, жузового и иных исторически существующих корпоративных форм ментальности. Образование нации характеризуется преодолением господства групповых сознаний и формированием общего национально-культурного и духовного менталитета нации.

Оба этапа формирования представляют собой единую историческую общую цепь естественной эволюции развития менталитета сначала народа, а потом нации. Народная, а затем национальная история, в которой формируются традиции, стандарты поведения, стиль мышления и пр. – все это складывается постепенно, закономерно по мере складывания нации. И все эти факторы, зачастую не осознанными для конкретного человека путями, а если и осознаваемыми, то не вполне ими оцененными, влияют на человека, так сказать, оседают в нем, превращаются постепенно в черты его национального менталитета. Влияют не только социальные факторы. Безусловно, и природная эволюция общества, его генетическая составляющая так же выплескивается в ядро нации и отпечатывается в нем.

Вообще говоря, факторов, которые формируют менталитет нации, может быть неопределенное множество. Их с некоторой условностью их можно сгруппировать в следующие крупные классы: условия природной среды, в которой обитает нация, генетический фонд нации,

социальный тип общества, в которой она живет, духовные основы нации (религиозные и идеологические).

Под длительным влиянием природно-генетических и социальных факторов природа менталитета нации развивается естественно-исторически, закономерным путем. Подобно тому, как генетический аппарат живого складывается на протяжении многих поколений и в определенной степени инвариантен по отношению к особенностям данной конкретной особи, так и менталитет нации - суть производное в нации от его всеобщей истории и в определенной мере инвариантен по отношению к обстоятельствам его биографии.

Развитие менталитета нации выражает глубоко внутренние духовно-психологические процессы развития нации. История народа характеризуется динамизмом, поворотами, борьбой, выживанием. Без такой динамичной адаптивности он просто не смог бы существовать вообще. Национальный менталитет характеризует не эту бесконечную вариативность человеческого поведения, а нечто более глубинное. Его можно обозначить как стационарную основу национального существования, которая как раз и позволяет ему часто видоизменять свое поведение, оставаясь при этом одним и тем же.

Менталитет, будучи устойчивой духовной-психологической основой нации влияет на поведение членов своей общности. С одной стороны, он подвигает человека на принятие определенных действий, следование определенным ценностям, предпочтение определенной культуре, образу мыслей, чувств. С другой – он же выступает основой и отталкивания, человеком того, что ему чуждо, неприятия определенных стандартов поведения, идей, и т.д. Иначе говоря, менталитет весьма мощно

детерминирует всю линию поведения членов национальной общности.

Известно из жизни, что о национальном менталитете человека обычно принято судить по эмоционально-логическим и практическим поступкам человека. Так, например, люди преклонного возраста способны на уровне бытового представления довольно метко судить по практическим действиям человека о его национальной принадлежности. Говорят, например, что немцы пунктуальные, казахи гостеприимные, еврей умные, русские режут правду-матушку в глаза и т.д. Тем самым на бытовом уровне констатируются своего рода знаковые характерные признаки национального менталитета, свидетельствующие о принадлежности человека к определенной нации, а не какой либо другой.

Типичное проявление национальной особенности характера – есть практическое выражение национального кода. Точнее, подобный поступок человека выступает проявлением менталитета нации. Менталитет нации – это духовно- психологическая особенность нации, исходный компонент национального кода. Типичная поведенческая форма деятельности представителя нации выходит за пределы духовного, менталитета нации, но определяется им и потому относится к национальному коду.

Практический поступок представителя нации выступает верификационным показателем национального менталитета, в научной литературе его именуют «национальным прототипом». Но, как нам представляется содержание последнего шире. В национальный прототип в широком смысле слова входят все практические проявления особенности национального характера. Это – не только внутренние характеристики типичного представителя нации, но еще и их объективация на массовом уровне в особенностях национального быта, одежды, проведения

народных, традиционных праздников, обычаев и т.д. В национальном прототипе выражается логика проявления причинно-следственной связи априорных структур национального менталитета с особенностями национального характера в социальной жизни нации.

Однако все же, как нам представляется, наиболее полным воплощением национального прототипа выступает типичный представитель нации.. Ведь та же национальная одежда, предметы материальной утвари и пр. могут и встречаются не только у одного, но и разных народов. Скажем, по этим внешним признакам народной культуры сложно отличить казахов от киргиза, русского от белоруса. Тем не менее хотя и трудно уловимые различия национально-духовного характера в менталитете того и другого народа есть и их, как правило знают на массовом уровне.

Национальный прототип отражает в виде идеального образ человека характерного для той или иной нации. Он выступает типичным выражением человека сформированного в условиях конкретного национального бытия, конкретной культуры нации, является по своему существу обобщенным духовным выражением общественного мнения о нации. При этом не обязательно общественного мнения своего народа.

Обратим внимание, что здесь речь идет не о личности, как национальном идеале. Национальный прототип выступает как некий усредненный тип представителя нации, который по своим духовно-психологическим, физическим качествам, своему менталитету является неким выражением национального характера своего народа. Представление о национальном прототипе складываются

исторически, формируется общественным мнением народа, выступает духовно-психологическим аккумулятором представлений о себе, который, как правило, неосознанно создается в соотнесенности с представителями другими народами. Можно сказать формирование национального прототипа исходно основано на принципе «Мы-они».

Следовательно, национальный прототип – это не конкретный индивид народа, а некая духовно персонифицированная типичная личность из представлении о которой складывается общественное мнение о национальном характере данной нации. Этой личности могут подражать, с ним часто связывают свои идеалы, о нем создают произведения народного искусства, на его примере могут воспитываться целые поколения.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство. Помимо положительных моментов национальный прототип способен содержать в себе и отрицательные характеристики. Можно сказать, что национальный прототип выступает личностным портретом нации, содержащим о себе суровую, реалистическую характеристику, где недостатки не ретушируются, не замазываются, а выступают в своей, порой беспощадной реальности. Национальный прототип в этом смысле сродни национальному характеру, но взятому в совокупно-системном виде и представленном в образе и действиях типичного представителя определенной нации.

. Национальный образ-представление собственно есть духовный портрет нации, внутренняя самооценка и портрет. По представителю нации, по практическим особенностям действия типичным для представителей нации (образу мысли, эмоциональным показателям, отношению к делу, другим людям), судят о нации, его менталитете. Политики, писатели, общественные деятели в этом плане дали немало

блестящих практических образцов иллюстрирующих портрет той или иной нации.

Так, И.В. Сталин говоря о представителях немецкой национальности говорил: «Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять то, что нужно. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает не соответствовать тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного планами. В этом их слабость»[31] Любопытно, что этой точки зрения придерживался в отношении немцев и бывший премьер-министр Великобритании У.Черчилль, когда говорил, что «ни один народ не осуществляет столь тщательно подготовку и планирование, как немцы, но в равной степени никакой другой народ не оказывается столь растерянным, когда его планы проваливаются»[32].

Точно и емко характеризует японцев А.Хироюки: «Японцы считают красноречие не достоинством, а скорее недостатком и нередко испытывают недоверие к красноречивым людям. Молчание у них является активным средством межличностного общения. Оно может иметь разный смысл, в том числе выражать несогласие, гнев и прочее почти без помощи невербальных средств. С малознакомыми людьми японцы предпочитают молчать и часто испытывают неловкость при необходимости вступать в беседу»[33].

Европейца, впервые попавшего в Японию, поражает и даже шокирует, что японец улыбается не только когда ему весело, но и когда ему делают выговор или когда он сам сообщает вам печальную новость, например о смерти ребенка. Неопытный человек нередко видит в этом

проявление бездушия, наглости и цинизма. На самом же деле улыбка просто имеет здесь иное символическое значение: она призвана смягчить тяжелую ситуацию, подчеркнуть готовность человека справиться с ней и г. д. Понять это многообразие символов, жестов, реакций не так просто.

В повседневном сознании наличие психологических различий между народами, безусловно, не вызывает сомнений. Пунктуальность, по мнению профессора И.С.Кона[34], высоко ценится в Германии или Голландии, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше в странах Латинской Америки и Африки. Североамериканцы запросто зовут друг друга по имени, но это вовсе не означает дружбы или интимной близости, каковые такое обращение предполагало бы в Западной Европе. Национальные особенности ярко проявляются в народном искусстве. Люди обычно без особых затруднений перечисляют черты, типичные, по их мнению, для разных народов. Но часто подобные характеристики расплывчаты, а то и вовсе произвольны.

»Посмотрите, — писал Н.В. Гоголь, — народные танцы являются в разных углах мира: испанец пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как тенъеровский немец, русский не так, как француз, как азиат. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет, как малороссиянин, как поляк, как финн; у одного танец говорящий — у другого бесчувственный; у одного бешеный, разгульный — у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый — у другого легкий, воздушный. Откуда такое разнообразие танцев? Оно

родилось из характера народа, его жизни и образа занятий. Народ, проведший горделивую и бранную жизнь, выражает ту же гордость в своем танце; у народа беспечного, вольного та же безграничная воля и поэтическое самозабвение отражаются в танцах; народ климата пламенного оставил в своем национальном танце ту же негу, страсть и ревность»[35].

Фундаментальная значимость менталитета нации не только в том, что он определяет типичный национальный прототип, но и в том, что влияет его на другой, но уже языковой компонент нации, который выступает так же органическим компонентом национального кода.

Язык вслед за менталитетом нации, национальным прототипом выступает уже третьим, заключительным компонентом национального кода. И национальный прототип, и язык являются не только органическими слагаемыми, но и следствием основного компонента национального кода – менталитета нации. При этом речь идет не столько о языке, рассматриваемом в формально-лингвистическом смысле, а сколько в его социально-культурном выражении. Поясним здесь, что имеем в виду.

Начнем с того известного факта, что люди живут, образно говоря во вселенной слов, огромного мира понятий, образов, концептов, фраз, которые имеют национально-конкретное, народное основание. Не менее очевидно и то, что кирпичики национального языка – слова несут неизбежно в себе органичные для данной нации различные смысловые оттенки, значения понятные людям этой общности. И это касается не только слов сопряженных с наглядно-предметным миром, но и, казалось бы,

укоренившихся в общемировой культуре философских, религиозных и иных образов и понятии-образов. Восприятие любого слова, превращение слова, превращение слова в картинку, в генератор эмоций, связано с целым миром данной национальной, народной культуры, включая и культуру быта.

Иначе говоря, язык должен рассматриваться, как социокультурное явление данной нации, как органическая часть национального кода в том случае, когда он, будучи рожденный многовековой историей культуры народа, существует как массовое коммуникативно-духовное средство между членами нации. Манера говора, применяемые словесные обороты, чистота естественного речевого произношения и многое другое, порой неуловимое, именно они собственно и выступают выразителями определенного национального менталитета и кода человека. В этом случае, язык тем самым предстает как выразитель национальной души человека. Именно в этом плане надо понимать слова Гегеля, по которому для нации «истинно великое создается только на родном языке»[36]. Об этом же в другой интерпретации говорит и Хайдеггер: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого бытия. Язык есть кров бытия – живя в котором, человек экзистировать, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей»[37].

По мнению казахстанского публициста Шерхан Муртазы, «народ не может существовать без языка. Народ, лишенный языка, лишится своей истории, корней и не

может быть нацией. Это народ, забывший своих предков, имена родителей. Это уже манкурты»[38].

В то же время совершенно другая ситуативная линия вырисовывается тогда, когда язык предстает в формально-знаковом выражении, как это наблюдается в семиотике, когнитивной лингвистике, психололингвистике. В этом случае национальная «культурная» информация как бы заложена в национальном языке, «закодирована» в семантической структуре слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе. Такая информация выступает только как некая потенция «национального кода», способная при определенных условиях перейти в плоскость социально-культурного статуса.

Это динамика складывания и формирования социокультурного выражения языка происходит в ходе исторического развития общества по мере становления и развития процесса конкретной национальной общности. В этом случае лингвистический контекст языка, как потенция «национального кода» органически переходит в плоскость социально-культурного статуса. Условиями способствующими приданию иного качества языка выступают территориальная, экономическая, культурно-психологическая общность народа, в том числе ликвидация языковых диалектов, формирование единого национального языка общности. Образование нации в его зрелом виде усиливает общее социально-культурное своеобразие языка данного народа. С образованием нации, язык покидая рамки речевой действительности донациональных форм общности (родов, племен),

преодолевая диалекты местнического характера становится общенациональным достоянием, получает статус органической части национально-культурного кода.

Любопытно, что в реальной жизни не для своего, а для стороннего индивида язык другого народа отнюдь не всегда выступает выражением национального кода. Тому подтверждение - вполне очевидные жизненные факты. Современный культурный человек, например, нередко кроме родного знает языки других народов. Но это вовсе не означает, что он так же хорошо понимает национальный менталитет, внутреннюю культуру народов, язык которой он знает. Знание чужого языка нации само по себе, для подобных персон в большей степени характеризует формализованные особенности языковой культуры другого народа, а не его национально-психологическую душу.

Исключение в этом плане, пожалуй, представляют научные термины, понятия, идеи естественных, технических наук, в которых национально-культурный контекст менее выражен, чем в народном языке. Научно-технический язык больше обладает признаком универсальности, нежели культурно-национальным своеобразием.

Однако в целом язык социально-гуманитарных наук, а тем более народный выступает в этом смысле формой выражения конкретного национального кода, ибо слова могут искривиться таким разнообразием смыслов, которые понятны носителям определенной культуры, но может вполне озадачить тех, кто формировался в другой культуре.

Понятно, что лингвистически, а еще в большей степени в социокультурном плане сложно и трудно переводить и идти к адекватному пониманию слов, понятий, концептов, которые выходят за пределы конкретно зримого. Данное

обстоятельство, в частности, следовало бы учитывать в условиях нынешнего массового изучения казахстанцами английского языка, которое, являясь процессом не чисто «европейским», а будет неизбежно нести в себе следы казахстанской социокультурности, присущего ей национального менталитета. А это означает, в числе прочего, что не стоит рассматривать возможное массовое овладение английским языком само по себе, как единственное «чудодейственное» средство способное превратить казахстанцев в прагматиков-европейцев.

Таким образом, менталитет нации – во первых, национальный прототип как реальность и образ народа – во-вторых, социокультурность языка – в третьих, совокупно образуют то, что мы называем национальным кодом.

Национальный код, следовательно, есть широкое понятие, включающее в себя как определяющий духовно-психологический компонент «национального сознания»(менталитет нации), так и определяемые им типичные формы практического поведения и вербального выражения представителя конкретной нации. В прагматическом плане основными компонентами национального кода выступают - менталитет нации (как основной), национальный прототип, язык национальной общности.

Национально-культурный код, следовательно, есть единство предметных и духовных компонентов национальной общности, обладающих устойчивостью и прочностью, способных передаваться от поколения к поколению в виде информации, правил и норм, гарантирующих историческую воспроизводимость и самоидентичность нации. По своему месту национальный код не является четко выраженным областью общественного сознания, ибо включает в себя как духовные, так и практические компоненты. Как компонент

общественного сознания национальный код может рассматриваться лишь в части своей базовой части - менталитета нации.

ЛИТЕРАТУРА

1 Акмамбетов Г. Формирование толерантного сознания в современном казахстанском обществе. Алматы, 2009; Бектурганов К. Общественное мнение как социальный прогресс. Казахстан / Спектр. 2002, № 4: Нысанбаев А.Н. 15 лет независимости Казахстана: становление нового общественного сознания. Алматы, 2006; Шоманов А. Нысанбаев А.Н. Косиченко А.Г. Национальная идея: предложения к обсуждению. Казахстанская правда. 2005, 10 апреля

2 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000; Михайлов Ф.Г. Сознание и самосознание. М., 2011; Почепцов Т.С. Имиджелогия. М., 2001; Чельшев П.В. Обыденное сознание или не хлебом единым жив человек. М., 2014 и др.

3 Наша газета. Костанай, 2017, 27 апреля.

4 Маркс К. Энгельс Ф. соч., изд.2, 1959 т.13, с. 7

5 Журавлев В.В. Духовная жизнь общества. М., 1989; Келле В.В. Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. М., 1959; Уледов А.К. Структура и формы общественного сознания. М., 1968 и др.

6 Зекрист Р.И. Власть в условиях глобализации. Костанай, 2017, с.104

7 Плеханов Г.В. К вопросу о монистическом взгляде на историю. Избранные философские произведения в 5 томах. М.1957, т.2, с. 34

8 Качеев Д.А. Философская концепция сознания и проблема модернизации. Аль-Фараби. 2018, № 1, с. 23

- 9 Маркс К. Энгельс Ф. соч., 13, с. 7
- 10 Ленин В.И. полн. Собр. Соч., т. 1, с. 423-424
- 11 Маркс К. Энгельс Ф. соч., т.4, с. 133
- 12 Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования М., 1987, с. 97-98
- 13 Зекрист Р.И. Власть в условиях глобализации. Костанай, 2017, с. 105
- 14 Там же.
- 15 Кара-Мурза Манипуляция сознанием. М., 2000; Горшков Ш.К. Шерега Ф.Э. Прикладная социология. Методология и методы. М., 2011; Поченцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. М., 2015; Харченко С.В. Общественное мнение. Костанай, 2004 и др.
- 16 Хосе Ортега-и-Гассета Восстание масс. // Вопросы философии. 1989, № 2
- 17 Марк Блок Апалогия истории. М., 1986, с. 132
- 18 Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2011
- 19 Маркс К. Энгельс Ф. соч., т. 13, с.7
- 20 Маркс К Энгельс Ф. соч., т 3, М., 1955, с.25
- 21 Маркс К. Энгельс Ф. соч., т.47 с. 249
- 22 Зекрист Р.И. Власть в условиях глобализации. Костанай, 2017,с. 121
- 23 Маркс К. Энгельс Ф. соч., т.19 с.325; т. 13, с.6; т.6, с. 442
- 24 Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. Астана, 2017
- 25 Энциклопедический словарь. М., 2012, с.139
- 26 Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992
- 27 Форум религиоведов Казахстана. 2016, 17-18 ноября 2016
- 28 Рапай К. Культурный код. М., 2014, с. 36
- 29 Рут Бенедикт Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2004, с. 32
30. Бызова В.М. Кризисы взрослой жизни. Моменты роста. М., 2015, с. 64

- 31 Сталин И.В. соч., т. 15, с. 145
- 32 Черчилль У.3 Вторая мировая война. М, 2010, с. 164
- 33 Хироюки А. Адмирал Ямомото. М., 2013, с.334
- 34 Кон И.С. Открытие «Я». М, 1978, с. 221
- 35 Гоголь Н.В. Невский проспект. собр. соч., в 9 т. т. 3, М.1999, с. 34
- 36 Гегель Феноменология духа. Соч., в 14 томах, т.4, с. 237
- 37 Хайдеггер Бытие и время. Тбилиси., 1989, с. 345
- 38 Муртазы Шерхан ФЛНКА – Официальный сайт

СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАЗАХСТАНА

Социальные аспекты модернизации общественного сознания

Актуальной задачей настоящего, а еще в большей степени будущего Республики Казахстан является задача модернизации общественного сознания народа соответствующего потребностям XXI века. Последнее означает, что эти вызовы, прежде всего, кроются в фундаменте казахстанского общества, в экономике, необходимости развития в нем новых технологий, информационных систем, которые объективно все более требуют и соответствующего общественного сознания.

Смысл подобных перемен придать в содержательном плане сознанию иные установки, признаки, которые в статье Н.Назарбаева по сути являются вестернизированными. Весь современный век убедительно показывает, что наиболее передовые успехи в современном мире, развитии современного производства, науке, образовании и др. социальных областях связаны с достижениями западных обществ. Это в принципе общепризнанное мировое общественное мнение, которое естественно не означает, что современный Запад не имеет проблем, прежде всего связанных с духовным состоянием западного общества. И не только.

Но как бы то ни было, современные технологии производства, значительное количество лауреатов Нобелевских премии (свыше 60 %), развитие демократии,

свобод личности современные люди в преобладающем большинстве связывают с достижениями Запада. Не случайно после развала СССР, почти для всех бывших национальных республик идеалом социального строя являлись и, по сути, сейчас продолжают выступать достижения западных стран.

Бывшие республики Союза, впечатляющие достижения производства и науки связывают с умением европейских стран эффективно и производительно работать, добиваться высоких результатов. Речь идет о наблюдающихся в современных европейских странах фактах не одиночного, а массового характера, умения демонстрировать высокие результаты работы во всех отраслях общественной жизни, соответствующих вызовам современности. Подобная эффективность общественного производства Запада объясняется как следствие эффективностью общественного сознания Запада, которое столь плодотворно реализует себя в значительных социально-экономических реальностях европейских стран.

Преимущества общественного сознания соответствующие требованиям современного общества обстоятельно изложены в отмеченной статье Н.Назарбаева. По словам президента РК сегодня «любому казахстанцу... необходимо обладать набором качеств, достойных XXI века»[1]. По большому слову необходимо сформировать иной менталитет казахстанца, при котором черты общественного сознания современного человека стали бы массовыми в сознании казахстанского общества. Западное мышление в этом отношении для казахстанцев есть эталон. Всем известны, например, немецкая пунктуальность и аккуратность. Но не все знают, что даже в самые тяжелые для Германии дни второй мировой войны производство на

военных заводах страны продолжалось, и количество брака не увеличилось - как было ниже процента, так и осталось. И причина тому - немецкое отношение к труду! Весьма показательны тому воспоминания немецких солдат, попавших в годы Великой отечественной войны в плен на Восточном фронте. В работе А.Шпеера[2], в частности – бывшего государственного деятеля фашистского режима в Германии характеризуется реакция, "воздушного стрелка" К. Фритцше, который оказавшись в плену, поражается наплевательскому отношению к своему труду советских рабочих-заключенных. Для немца К.Фритцше подобное отношение дико, ибо для него аксиоматичным правилом производственной жизни является установка - если уж тебе дали работу, то выполнять ее нужно хорошо и качественно.

Уважение к собственному труду – это общее, можно сказать ментальное свойство немецкой нации, проявляющееся и у крупновского рабочего середины XIX века, и у военнопленного Фритцше в середине XX века, и у немецких специалистов в настоящее время. И неважно, что там за окном - монархия, нацистская диктатура или постиндустриальное общество. Вместе с тем это, по большому счету проявления менталитета общественного сознания немецкого народа.

И для того, чтобы подобные духовно-психологические признаки западного человека стали для казахстанцев обыденностью, были массовыми, необходима модернизация общественного сознания современного Казахстана. Но что включает в себя понятие «модернизация». В литературе на этот счет, дают различные определения данного понятия. Если не анализировать дефиниции, что не входит в нашу задачу, заметим, что они по сути дела, сводятся к тому, что модернизация в

социально-философском смысле – это коренной, качественный скачок в том или социальном явлении, процессе, При этом скачок внутренний, содержательный, связанный с появлением и господством в них новых компонентов. По аналогии, выходит, что модернизация общественного сознания казахстанцев предполагает утверждение в качестве приоритетных тех самых компонентов, которые отмечены в статье лидера нации Казахстана: прагматизма, рационализма, конкуренции, открытости сознания, культа знания. Эти компоненты для общественного сознания при условии их массовости должны стать принципиально органичными слагаемыми психологии и образа жизни каждого современного казахстанца.

Нельзя сказать, что как в прошлом, так и настоящем люди в Казахстане не руководствуются стремлениями прагматизма, конкуренции, рационализма, стремления к знанию. Но они чаще выражались в прошлом и имеют место ныне преимущественно на уровне индивидуального сознания. Ныне же задача ставится так, чтобы эти духовно-психологические признаки людей господствующие в современном западном сознании стали доминирующими в общественном психологии миллионов казахстанцев. В этом особенность модернизации современного общественного сознания начавшегося в Казахстане начале XXI века.

Исторически крупные повороты, к которым применим термин «модернизация» по значению меняющие как материальное, так и духовное состояние казахстанского общества имели место в истории Казахстана и ранее. Каждая из них отличалась своим своеобразием,

определяемым конкретным историческим временем. Скажем, переход казахов от кочевого образа жизни к оседлому, который длился столетиями, вряд ли проходил тихо и спокойно, ибо приводил к кардинальной ломке прежних психологических стереотипов, появлению в обществе иных ценностей, нового сознания. Или, процесс присоединения Казахстана к России, сопровождающийся внедрением европейских стандартов в казахские степи, новых порядков, невиданных в столь массовых размерах в регионе, так же, безусловно, приводил к утверждению иных, новых духовных и психологических сдвигов в сознании массового степняка-казаха.

Несколько особняком стоит модернизация общественного сознания, которая была в 20-30 годах XX века в Казахстане, ибо по историческим меркам она была относительно недавно. Достаточно сказать, что мы, живущие в начале XXI века особенно старшее поколение все еще сохраняем в своем сознании результаты этой модернизации общественного сознания в виде привычек, психологических ценностей и пр. Проходящая по флагом идеологии марксизма, и политики Советской власти эта модернизация способствовала в общественном сознании появлению и развитию в 20—30 годы революционного и трудового энтузиазма, принципов социалистического коллективизма, нового отношения к труду, пролетарского интернационализма. Для своего времени этот тип общественного сознания, образно говоря «работал» эффективно, ибо этими новыми чертами общественного сознания во многом объясняются крупные производственные и ратные успехи СССР.

Предстоящая модернизация современного общественного сознания независимого Казахстана в известной степени – уникальная, ибо ранее ее в истории республики не было, грандиозно масштабная задача. По своей исторической значимости она означает цивилизационный поворот в судьбах Казахстана. Достаточно сказать, что все прежние формы модернизации общественного сознания Казахстана происходили в рамках господства коллективной материальной и духовной жизни людей, придавая ей лишь иные организационные формы. По своей цивилизационному смыслу они выражали перемены традиционалистского образа жизни, основанные на доминировании коллективистских форм жизни. Современная же модернизация общественного сознания предполагает поворот в сторону западнизации, на базе, утвердившейся в Казахстане в начале XX века частной формы собственности. Речь идет о формировании новых признаков общественного сознания Казахстана, которые должны стать ментальными в новом общественном сознании казахстанцев. А это требует отказа от многих психологических стереотипов прежнего общественного сознания людей, которые сегодня уже не соответствуют вызовам современного времени.

Сегодня национальный прототип казахского менталитета, как правило, связывает типичный положительный образ современного казаха с человеком из аула, аграрным сектором народного хозяйства. Заметим, даже советская промышленная модернизация не изменила в этом отношении типичного представления о казахе, добавив только, что он еще и механизатор. Предстоящая

модернизация общественного сознания неизбежно повлияет на представления об образе казаха. В современной личности казахстанца призваны органически сочетаться качества прагматиста, рационалиста, конкурентоспособности с историческими имеющимися традиционными качествами, присущими казахскому народу – дружелюбием, гостеприимством, толерантностью.

Именно на формирование подобной, уже современной личности казахстанца, в котором сочетаются изменившееся сознание с традиционным национальным кодом, обращает внимание в своей работе Н.Назарбаев, считая, что в этом призвана проявляться задача специфика современной модернизации общественного сознания Казахстана.

Подобный кардинальный духовный поворот предполагает существенное изменение как состояния материально-технической базы страны, так и духовно-психологического состояния людей. Изменения общественного бытия призваны быть основными, главными в изменении общественного сознания. Создание принципиально иного производства, основанного на современных технологиях, информационно-автоматизированной базе должно сопровождаться изменением всего массового сознания людей, для которых прагматизм, рационализм, конкуренция, культ знания выступят повседневными признаками их духовной и психологической жизнедеятельности. Тем самым будет изменен сам вектор будущего материального и духовного развития, истории Казахстана на ближайшую и отдаленную перспективу.

Предшествующие типы общественного сознания (патриархально-феодальный, социалистический), которые ранее господствовали в истории Казахстана себя изжили не только исторически. Важно иметь в виду, в частности, что трудовой романтический энтузиазм, героический порыв, которые некогда выступали главными созидательными духовными мотивами социалистического сознания сегодня становятся явно недостаточными, чтобы обеспечить экономико-технологический прорыв Казахстана. Тем более это многократно верно к сохраняющимся в современном сознании казахов остаткам феодально-патриархального психологии – косности, консерватизму, родовым предрассудкам возрождение которых, вопреки мнению некоторых современных национал-патриотов, было бы архаизмом и скажем прямо тормозом в современном технологическом прорыве Казахстана.

Безусловно, надо иметь в виду различие стартовых площадок, на которых происходит духовная модернизация в западных странах и независимом Казахстане. По большому слову новый тип общественного сознания в европейских странах сформировался исторически в условиях капитализма, который европейские страны прошли полностью. Несколько иная историческая ситуация складывается сегодня в Казахстане. Страна, ставит задачу формирования духовной и психологической переделки после отказа от тоталитарного общества, имея при этом дополнительно в качестве родимых пятен следы патриархально-родового сознания.

Бесспорным фактом нынешних социальных реалии является господство товарно-рыночных отношений. Но тем

не менее даже после почти тридцатилетнего существования независимого Казахстана, задаче модернизации общественного сознания Казахстана все еще препятствуют явления самого разного порядка, связанные как с настоящим, так и историческим прошлым страны.

К подобным таковым трудностям надо отнести, прежде всего, все еще неудовлетворительное материально-техническое состояние современного казахстанской экономики, которое выступает основой кардинального изменения общественного сознания. Как известно, республика являясь одной из богатых стран мира по запасам полезных ископаемых имеет экономику, которая поражена «ресурсным проклятием». Вся история таких стран показывает, что сырьевая экономика по своему социальному предназначению не способна эффективно формировать общественное сознание отвечающее запросам автоматизированного современного производства. Технологии добывающих производств, основаны преимущественно на достижении высоких количественных показателей в работе, что создает в психологии и сознании людей инерционные стереотипы, готовые мыслительные шаблоны, отсутствие стремления людей к креативности, творчеству. Такой характер производственной работы, основанный на периодически повторяющихся циклах деятельности не способствует широкому и масштабному стремлению работников создавать что то новое, конкурировать с коллегой за качество продукции, проявлять прагматизм, стремиться к повышению своего профессионализм, производственного знания.

Такую роль выполняет только информационно насыщенное разветвленное современное технологическое производство, где сам ритм производственной работы заставляет людей проявлять необходимую рачительность, дисциплину, рациональность, прагматизм, стремление сделать товар лучше, чем у других. Но экономические реальности пока таковы, что многие перспективные сектора, которые определяют развитие мировой экономики в средней долгосрочной периодах, в структуре экономики Казахстана фактически отсутствуют.

Доля объемного, широкомасштабного, технологически совершенного промышленного производства способного самим характером экономического функционирования менять общественное сознание людей, по стране довольно мала. Показательно, что Казахстан по фактору «Инновации» в период 2010-2011 г. среди 139 занимал 101 место, в 2011-2012 г. среди 142 стран 116 [3]. Вместе с тем, согласимся и отрицать сделанное за годы независимости то же невозможно.

Ведь это реальность: утвердившиеся с середины 90-годов ХХ в. рыночные отношения привели в Казахстане к созданию десятков и сотен мелких и средних предприятия частнособственнического характера, которые объективно сформировали новую генерацию людей с иным общественным сознанием, отличным от прежнего, массового в республике. Появились т.н. «новые казахи,» личности-предприниматели делового, творческого характера, олицетворяющие иное национальное лицо народа Казахстана. Мы их определяем как «автономных личностей», ибо в основе своей они свободны в своем

сознании от предрассудков прошлого, демонстрируют новые черты психологии – прагматизм, конкуренцию, рационализм, культ знания. Словом, они и есть ласточки нового общественного сознания, призванные стать катализатором будущих, более масштабных духовных изменений народа.

Подобные автономные личности – предприниматели, экономически независимы, они больше ценят в людях деловитость, рациональность, умение считаться с интересами своего партнера. Для «новых казахов», выступающих носителями автономной личности, не столь существенное значение имеет принадлежность человека к тому или иному роду, жузу, нации. Для них не важны показные, мнимые показатели работы. Оценка человека, в их среде происходит независимо от того, к какой национальности он принадлежит, производится по их деловым качествам, умению работать, добиваться весомых практических результатов.

Но согласимся, подобный процесс модернизации общественного сознания, выражающий психологию и сознание мелкого и среднего бизнеса при всей положительной значимости не может нас полностью удовлетворить. И прежде всего своими масштабами охвата. Сегодня необходимо, чтобы формирование прагматизма, рационализма, конкуренции, деловитости, стремления к знаниям не ограничивалось «автономными личностями», а стало массовым процессом, охватывающим все слои казахстанского общества. При этом так, чтобы новое общественное сознание с доминированием подобных

компонентов, стало преобладающим, в перспективе господствующим.

Достижение такой задачи - массово-духовной переделки сознания современных казахстанцев недостаточно формировать только на базе мелкособственнической материальной базы. Необходимо крупное, современное, технологически и информационно насыщенное промышленное и сельскохозяйственное производство. Важно и другое. Производство должно быть многообразным по форме, в котором отсутствовала бы монополизация производства, что, к сожалению, сплошь и рядом в современном производстве Казахстана наблюдается. А между тем весь западный опыт развития экономики показывает, что лишь обстановка взаимной конкуренции различных предприятий, борющихся между собой за более высокое качество выпускаемой продукции способны формировать в массовых масштабах людей с психологией конкурентоспособности, прагматизма и рационализма, культа знания в сознании людей.

Таким образом, реально проявляющаяся модернизация общественного сознания как первейшее условие предполагает прежде всего масштабную реорганизацию производства, придание ей современного характера, уход от сырьевой направленности экономики республики, ликвидацию монополизации существующего производства. Только при выполнении подобного условия возможна духовная переделка людей в массовом количестве и в быстрые сроки. Реально функционирующий сегодня вариант экономического производства Казахстана, основанный на развитии мелкого и среднего бизнеса, а

самое главное на сырьевой экономике объективно ограничен в роли катализатора кардинальных и эффективных перемен в общественном сознании. В лучшем случае, по нашему мнению он способен, решать подобную задачу исторически долго, с большими трудностями и противоречиями. Не говоря о том, что исторически в обозримом будущем при таком развитии ситуации, задача модернизации общественного сознания становится вообще проблематичной, ибо понятно современное состояние общественного сознания» западного человека будет уходить все дальше в своем естественном развитии и догнать его уже будет трудно.

Но сегодня задача модернизации общественного сознания сталкивается не только с трудностями нынешнего состояния экономики Казахстана. В немалой степени сложности решения этой задачи видятся и в духовно-психологическом наследии исторического прошлого республики. И конечно, здесь в первую очередь идет речь о характере того культурно-духовного прошлого, которое нам досталось от советской эпохи, ибо в значительной части нынешнее поколение людей (не только старшее, но в известной мере и среднее) в Казахстане в своем общественном сознании несет следы именно ушедшего в историю советского времени.

Бесспорно, общественное сознание социализма несмотря на свою качественную специфику, связанную с ее коллективистско-идеологической природой, идейностью, несло в себе значительную долю положительного, необходимого для современных людей, живущих в рыночную эпоху. Грамотность, профессионализм людей

связанный с промышленным трудом, стремление работать добросовестно и честно и многое другое сформированное за 70- с лишним лет развития нового общества явились ценными качествами подавляющего большинства советских людей, признаками социалистического общественного сознания.

Но немало в таком общественном сознании было и недостатков, при этом не только в качестве пережитков прошлого, но и сформированных самим механизмом функционирования социалистического производства. Воровство, коррупция, тунеядство, развитие психологии т.н. «несунов» и пр. то же являлись продуктами советского общества. И наконец, то, что имеет прямое отношение к нашему вопросу; общественное сознание советской эпохи так и не смогло сформировать в массовых проявлениях так востребованные сегодня черты общественного сознания, как прагматизм, рациональность, конкуренция, культ знания. Точнее было бы сказать, что подобные духовно-психологические признаки были в сознании людей, но в недостаточных количественных показателях, не на уровне массового сознания.

Весьма неоднозначно можно трактовать влияние советское времени и на изменения национального сознания казахов. Надо отдать должное; навыки, промышленная психология связанные с рационально-ритмичным трудом, производственной дисциплиной начали входить и развиваться во внутреннем национальном коде казахского рабочего класса собственно только с появлением Советской власти, в период развития социализма. Хотя заметим,, что и в течение 70-летнего периода существования СССР казахи все же преимущественно

несли в своей ментальности духовно-психологические слагаемые животновода, нежели психологию промышленного рабочего. При социализме признаки конкурентности, прагматизма и рационализма в сознании людей так и не стали в среде казахстанцев массовыми, как на Западе. Мешала не только официально насаждаемая система уравниловки, но и отсутствие необходимых достаточно развитых материальных стимулов к личностной самореализации. Хотя, в советское время, в идеологической форме конкурентоспособность в частности, в виде социалистического соревнования все же имела место.

Тем не менее, общественное сознание советской эпохи со всеми своими достоинствами и недостатками естественным образом перешло с начала 90-х годов в рыночную стихию, которое в силу своей принципиально иной экономической природы требовало и иных людей, с другим сознанием. Сильнейшим и действенным механизмом ликвидации негативов прежнего советского сознания в условиях нынешнего рынка выступают господство новых производственных отношений, основанных на частной собственности. Они объективно способствуют не только формированию новых признаков общественного сознания – инициативности, творчества, деловитости, прагматизма, конкурентоспособности, но и способствуют борьбе со столь сложными негативными явлениями, как воровать, заниматься тунеядством, пьянством и пр. Ведь известно в рыночных условиях работает простая «аксиома» - воровать у себя частнику невыгодно.

Утверждению нового общественного сознания в Казахстане мешают не только духовные стереотипы,

привычки ушедшего в недавнее прошлое советского времени. В сознании современных казахстанцев живут и более древние традиционные пережитки далекого прошлого. Речь идет о следах духовного наследия, но уже связанных с историческими временами некогда господствующего тысячелетиями в казахском обществе кочевого общества.

Может возникнуть естественный вопрос, а разве может то далекое историческое время, отделенное от нас столетиями, жить в общественном сознании людей начала XXI века. Для ответа на этот вопрос надо иметь в виду два обстоятельства. Первое – следует напомнить и в известной степени оценить, что казахи в своей истории живя тысячелетиями в кочевом обществе перешли к современным формам жизни не от капиталистических, а от господства патриархально-феодалных отношений, Поэтому в последующем соответственно в общественном сознании не только советского, но и нынешнего, рыночного времени, в психологии и сознании казахов проявляются остаточные-духовные компоненты той далекой исторической эпохи. И второе - следует иметь в виду, что продукты общественного сознания, особенно те, которые связаны с областью бытового сознания, психологии людей весьма консервативны, мало поддаются изменениям, в том числе кардинального плана. Поэтому здесь, как нигде уместна и правильна фраза известного классика о том, что «традиции, как кошмар витают над умами живых».

Нельзя не заметить, что в современном общественном сознании современного казаха, в его психологии, нет да нет, нередко проявляются совершенно ненужные в условиях

рыночного общества черты обыкновенной лени, нежелания выкладываться на работе, добиваться результативности и качества в производстве. А ведь о такого рода психологических проявлениях негативного в личности казаха, как весьма распространенных, в свое время, писали еще в своих художественных произведениях писатели Сакен Сейфуллин, Беймбет Майлин и др. известные казахские деятели. Много интересного на этот счет, как известно, написал Абай Кунанбаев в своей работе «Слова назидания».

Бесспорно, в том общественном сознании, которое некогда господствовало в древней степи, а сейчас, живет в виде остаточных явления в психологии современного казаха есть и позитивное. Уважение к старшим, традиции гостеприимства, толерантности и др. идущие от тех времен надо и сейчас сохранять и всячески в наше непростое рыночное время, не всегда стыкующее с моралью развивать. Но ведь факт, что в то же время бывшее кочевое общество оставило в сознании казахов и те психологические стереотипы, которые напрямую не вписываются в требования общественного сознания XXI века.

Чаще всего, когда речь заходит о психологических негативах казаха, называют сохраняющиеся родо-жузовые предрассудки. Это верно, хотя в литературе правильно отмечается, что одно дело, когда они в такой роли проявляются в кадровой политике, другое, когда знание современным казахом своих родовых корней выступает в качестве одной из слагаемых чувства патриотизма, любви к Родине. Второй аспект, согласимся, позитивен.

Но природа патриархального сознания живущего сегодня в сознании современного казаха не сводится только к родо-племенным пережиткам. Содержание такого сознания шире – это и нередко проявляющееся в среде казахов чванство, склонность к всевозможным парадным мероприятиям, лень, зависть к удачливым соплеменникам и пр. Сохраняющиеся такие негативы былого патриархального сознания выступают не меньшим, чем родовые пережитки тормозом в современной модернизации общественного сознания.

Характерно, что в сознании современных казахов, психологические рецидивы патриархальной психологии предстают не в древней, а осовремененной форме. Но от этого они по отнюдь не теряют своей негативности. И что самое главное – они своим гнездом имеют обыденное сознание, которое отнюдь не ограничивается бытом, а сказывается в производственной работе, межличностных отношениях, работе госаппарата и пр. Хотя, безусловно, судьба таких негативов в будущем ясна: они неумолимо под влиянием рыночных отношений исчезнут. Но пока, можно вполне определенно констатировать, что новое общественное сознание не может успешно развиваться, если не будут искоренены присущие национальному характеру проявления расточительства, парадных мероприятий, псевдоличностного самоутверждения, которые, на что обратим внимание, характеризуют патриархальную, присущую представлениям казахов форму понимания прагматизма, конкуренции.

Любопытный на этот счет приводит факт казахстанский историк Н.Масанов в своей книге "Кочевая цивилизация казахов". Он, проводя аналогию между историческим

прошлым кочевого времени и современностью приходит к неутешительным выводам по поводу недостатка прагматизма в современном общественном сознании казахов. Н.Масанов тщательно описывает с одной стороны, трудозатраты казаха-скотовода, который, чтобы, например, напоить стадо овец и верблюдов, достает вручную воду из колодца глубиной в несколько десятков метров. С другой стороны, как отмечает историк, такой скотовод любит часами, как и другие, бичевать праздность и лень других казахов, их неискоренимую тягу к многочасовым застольным беседам. Создается тем самым обстановка никому и ничем не полезной демонстративной праздности, которая вертится по своей сути вокруг вопросов "Что делаешь? Куда идешь?" – и излюбленного казахского ответа "Жай, аншейін" ("Да так, пустяки"). Но разница здесь лишь в том, замечает Н.Масанов, что если в европейском обществе такую праздность демонстрируют немногие избранные, у нас это выглядит и, к сожалению, продолжает выглядеть как национальная черта.

Из разряда подобного рода отжившего патриархального сознания и сегодняшние факты жизни, когда для личностного самоутверждения казаха главным становятся достижения не столько реальных результатов, а сколько показных мероприятий, в которых главным выступает форма, а не содержание. А ведь это черты общественного сознания, которые напрямую являются антиподом психологии прагматизма и рационализма.

Коснемся, например, такого недостатка в ментальности, который в народе называют на современном лексиконе казахскими «понтами». Даже пословицы появились вроде "Казах без понтов - беспонтовый казах». Типичное ему современное проявление – проведение пышных тоев, под

которые берутся огромные кредиты. И как результат – взявшие потом, годами расплачиваются за них, бедствуя, образно говоря, сидя на чае и лепешках. Или покупаются дорогие джипы, чтобы продемонстрировать другим свою «крутость». Из этого же разряда – покупка дорогих смартфонов, которые впоследствии не используются даже на 20 % от их возможностей.

Всем казахстанцам знакома пейзажная обычная картина – сельское кладбище, кирпичные или каменные мазары, блестящие купола и аккуратные мощенные дороги и рядом же – полукилометре невыразимо грязный аул, косые стены, кривые заборы, отсутствие дорог. А ведь это тоже характеризует рецидив патриархального сознания в современном менталитете казахов.

Напомним, западный прагматизм как признак нового общественного сознания казахстанцев предполагает формирование в каждом казахстанце чувства рачительности. Той черты психологии, когда главным, основным в производственной и иной деятельности человека становится достижение действенной результативности с малыми финансовыми, материальными затратами. Такое мышление ориентировано на дело, а не на показательные мероприятия.

Естественным образом прагматический подход к делу способствует выработке в человеке рациональности мышления, когда всякое постороннее, наносное, а тем более разорительное становится уже в сознании ненужным, не способствующее решению основной задачи. И здесь как нигде подходит, модный в философской среде начала 20-х годов лозунг «мыслить экономно». Этого, надо признать следует добиваться всем нам казахстанцам, отказываясь от лишнего, как в мышлении, так и практико-производственной деятельности.

Сегодня на эмпирически, видимом уровне растут под влиянием развития рынка в обществе, хотя возможно и не столь быстро как хотелось бы факты прагматического, рационального подхода к решению производственных и иных задач, особенно в среде «автономных личностей». К сожалению этого нельзя столь же однозначно сказать о формировании конкурентоспособности в общественном сознании. Мешает не только существующая монополизация производства в промышленности и сельском хозяйстве, отсутствие должной конкурентоспособной среды в экономике. Мешает, как это, не удивительно, сохраняющаяся в сознании казахов своеобразное понимание самого понятия «конкуренция»

Как теоретически, так и практически ни частной собственности в массовом виде, а следовательно и конкурентоспособности свободных граждан-производителей не только в советский период развития, но и до него история Казахстана ранее не знала. В условиях тысячелетиями существовавшего кочевого общества конкуренция, пожалуй, в своеобразной форме существовала в среде казахов только в соревновательно-личностной форме, в народном искусстве, воинской сфере. Так, весьма удачливыми, сегодня сказали бы «конкурентоспособными» были батыры, которые в соперничестве с другими показывали большую физическую силу, ловкость, бесстрашие. Или, когда те или иные народные акыны показывали свой большой талант в импровизированных исполнениях песен, стихов соревнуясь с другими мастерами слова.

Выражая сравнительно-теоретический срез подобных исторических фактов можно сказать, что в кочевом обществе личность -казаха старалась главным образом себя выразить в надстроечной области: акынстве, песенном творчестве, поэзии, военных баталиях и т.д. , что разительно

отличается от требований современной конкуренции в производственной среде. Воинская удадь батыра, физическая сила, талант акына-импровизатора и пр. ценились в массовом сознании больше чем результаты напряженного производственного труда, достигнутые в условиях трудовой конкуренции, прагматического подхода. Можно сказать, что история казахского народа до получения независимости Казахстана не способствовала традициям формирования психологии развитого рационального труда, которая столь характерна для современного европейского человека.

И сегодня нередко проявления личностного «самоутверждения» в современном Казахстане все еще несут в себе следы понимания успешности в таком осовремененном феодально-байском понимании. Как рецидив прошлого конкуренция чаще выражается в борьбе за более высокие высоты служебно-иерархической лестницы, собственного материального обогащения. Главным средством выражения «Я» даже в условиях современного рынка нередко становится чиновничий пост, материальная должность. Понимание необходимости современной конкуренции качества товаров, результатов труда нередко соседствует с байским его толкованием, как взаимной личностной борьбы (родового соперничества, за должность и пр.). При этом, как правило, второе в массовом сознании современных казахов пока выступает более предпочтительным.

В основной сфере общественной жизнедеятельности - экономике, конкуренция непосредственных производителей как установка жизненного преуспевания, форма личностного выражения на уровне общественного сознания исторически в сознании казаха не сложилась. Этому не способствовала не только отсутствие в истории Казахстана господства частной формы собственности, но и

традиционность уклада жизни социальной жизни, регулирование ритма деятельности консервативными нормами рода, жуза, в которых собственно столетиями и протекала жизнь казаха в кочевом обществе.

Сама экономика в истории казахов, особенно существовавшего тысячелетиями кочевого общества, олицетворялась со сферой животноводства, которая во многом определила менталитет типичного казаха, как степняка, прекрасного, непревзойденного животновода. Труд сельского животновода испокон веков являлся, как известно сезонным, что, безусловно, не способствовало выработке устойчивых, а тем более традиционных признаков сознания, связанных с ритмичностью, рационализмом, деловитостью.

Конечно, можно возразить и сказать, разве не было в экономике того же кочевого общества индивидов, которые бы проявляли в сравнении с другими личные конкурентоспособные качества – большее трудолюбие, стремление сделать лучше чем другие, настойчивость к самореализации и т.д. Безусловно, были.

Но, во-первых, в том же кочевом обществе, подобного рода психологические качества в производственной сфере деятельности были не столь широко распространенными. И отсюда, во-вторых, массовый человек предпочитал больше проявлять себя в соперничестве с другой личностью, ибо в этом случае его одаривали подарками, другими материальными формами поощрения. Иначе говоря, конкурентоспособность в традиционном сознании казахов исторически существовала, но не сфере производства, а скорее в отношении к богатству и его признакам.

В противоположность, духовная история европейских стран была основана на культуре соревновательности, вопреки распространенному мнению, не столько

личностей (рыцарство, напомним, проявлялось лишь в среде крупных феодалов), а сколько товаров создаваемых личностями. Стремление быть выигрышным в своем производственном или ином деле, получить от этого реальную, а не показную выгоду рассматривалось традиционно на Западе как обычная, естественная норма жизни каждого человека. И такое понимание конкуренции в европейских странах развивалось столетиями.

При таком отношении и традициях его культивирования конкурентоспособность выступала на Западе уже как явление культурного, нравственного порядка. А это значит, что она как норма жизни каждого и общества в целом объективно предполагала определенную высоту моральной поведения и ответственности в отношениях конкурирующих особ.

Конечно, подобная высота проявления конкурентоспособности в западном обществе была достигнута не на начальных этапах развития буржуазного общества. Для этого капитализм должен был достичь известной высоты развития. Цивилизованному буржуазному обществу предшествовал капитализм в его диком виде, который в истории Западной Европы существовал в XV1-X1X в. В это историческое время отношения конкурирующих личностей в европейских государствах были весьма далеки от морали, культурной этики. Обман, стремление обойти конкурента любыми средствами во имя наживы, нарушения одной стороной обоюдной договоренности – были обычным явлением деловой жизни дикого капитализма.

Подобный этап конкурентоспособности, при котором проявления дикости в личности нередки, переживает и формирующийся сегодня начальный капитализм в постсоветских республиках. Цивилизованные формы конкурентоспособности можно сказать еще не

восторжествовали на территории бывшего Союза. Причина общая и та же – рыночные, товарно-денежные отношения здесь по историческим меркам весьма недолговременны, они фактически существуют во всех постсоветских республиках немногим более 30 лет. Поэтому нравственная культура проявления конкурентоспособности невысока, и она только начинает складываться.

Именно по этой причине в отношениях между деловыми людьми, частниками на территории Казахстана, других постсоветских республиках так нередки случаи невыполнения договорных обязательств, проявления рейдерства, стремления незаконными и безнравственными средствами обмануть конкурента и т.д.

К тому же надо учитывать, что помимо изменения материально-технологической базы повышение уровня планки конкурентоспособности определяется и различием социально-мотивационных основ деятельности действующих в области общественного сознания. В прошлом, особенно в советский период подобными стимулами к конкуренции служили моральные и общественно-государственные интересы. В современности в качестве таковых выступают не столько корпоративно-ведомственные, а сколько частнособственнические интересы.

О победе нового общественного сознания в Казахстане можно говорить тогда, когда его компоненты не только станут массовыми, но и что особенно важно войдут в менталитет, национальный код казахстанцев. А пока можно вполне определенно констатировать, что ни конкуренция, ни прагматизм в западном его толковании полноценно еще не сформированы ни в национальном коде, ни в сознании казахстанцев. В психологии многих современных казахов, нередко еще прагматизм, конкуренция, рационализм понимаются и толкуются в более привычном для них

«казахпайском» варианте. А это уже свидетельствует помимо всего прочего, о недостаточной выраженности в сознании рационально-психологических слагаемых,, которые объективно требуются современным производством. Производственная деловитость и соответствующая ему этика на массовом уровне так же не получили еще повсеместного распространения. В нем еще не в полной мере прижились, стали естественными проявления здорового соперничества, в виде производственной конкуренции, которая способствовали бы выдвижению талантливых людей, удачливых в деле, экономике общества.

Понятно, что конкуренция, прагматизм, рациональность, культ знания в общественном сознании Казахстана – это не слепое копирование данных духовно-психологических качеств с западного его аналога.

Нам нужна не вообще конкурентоспособная личность, а личность, чья конкурентоспособность достигается национально- нравственными, цивилизованными методами и средствами. Подобно этому, прагматизм в новом общественном сознании не означает только повальную и единственную цель для каждого как можно больше материально обогатиться. Не менее важно здесь как задачу минимум, преодолеть специфическую черту массового сознания казахов – достигать реальных, а не показных мероприятий. Иным должен быть и рационализм в общественном сознании, предполагающий дисциплину, точность, аккуратность в производственной работе и вместе с тем развитие душевности, внутреннего богатства в каждом казахстанце. И наконец, и культ знания в общественном сознании должен формироваться не только на стремлении человека владеть профессиональными знаниями, но и на востребованности этих знаний со стороны общества, предприятия.

Согласимся, все это вкупе означает, что новое общественное сознание казахстанцев не аналог полностью западного, а нечто представляющее новое качество, включающее органически союз рационализированного труда и формирования необходимых духовно-нравственных и национальных начал в каждом человеке. А это возможно только при условии воспитания у подрастающего поколения высокого уровня моральной культуры, цивилизованных норм и правил ведения конкурентной борьбы. Как говорят спортсмены, важна не только победа, но и честная спортивная борьба и конкуренция, которая приводит к победе. Так и на рынке труда личность должна достигать высокого профессионализма и на этой основе высокой конкурентоспособности, но при условии ее одновременно высокой духовно-нравственной культуры казахстанского общества, отдельно взятого человека.

Сегодня мало иметь необходимые знания, умения, навыки, определенный уровень образования по профилю работы, опыт работы, наличие знаний по смежным специальностям (полипрофессионализм). Надо обладать не просто необходимыми для каждой специальности качествами - активностью, деловитостью, трудолюбием, целеустремленностью, общительностью, настойчивостью, обязательностью, дисциплинированностью, контактностью и др. Конкурентоспособная личность должна быть еще и быть инициативной, уметь просчитывать и предугадывать действия своего конкурента, быть настроенной на своевременное и нужное для ситуации внедрение инновационных новаций и пр.

Сегодня профессионализм в любой специальности должен включать в себя и знание гуманитарной области. Безусловными предпосылками этого выступают компьютерная грамотность, знание иностранных языков,

культурная открытость. По словам Н.А.Назарбаева, «принятые руководством республики в 2014 г. и программа "Цифровой Казахстан", и программа трехязычия, и программа культурного и профессионального согласия выступают сегодня частью подготовки всех казахстанцев к жизни в XXI веке. Это часть нашей конкурентоспособности».

В общественном сознании должна утверждаться деловая этика. Последнее тесно связана с самыми различными сознательными, а порой иррациональными моментами таких слагаемых нравственной культуры, как гордость за свою Родину, национальная честь и достоинство, принципиальность, честность и правдивость и т.д. Иначе говоря, конкурентоспособная личность – это та, которая обладает необходимой высотой нравственной культуры в целом. Выработке такой культуры способствует вся система обучения в отечественном образовании, культурно-воспитательная работа государства в целом, особенно такие программные документы, как «Рухани-жангыру» и др.

Сегодня деловая этика в общественном сознании Казахстана скорее находится на стадии становления, нежели своего полного проявления, расцвета. О достижении последнего, пожалуй, можно говорить тогда, честность, единство слова и дела, обязательность в своем долге, неукоснительность правовым нормам страны станут образно говоря кровью, плотью, частью жизни если не каждого, то большинства людей в нашей стране.

Существенная роль в формировании конкурентоспособности молодых специалистов принадлежит системе высшего образования. Перед современным вузом стоит важнейшая задача – утвердить в общественном сознании не просто приоритет профессиональных знаний, умений и навыков, но и умение

предложить себя на рынке труда, способности в любой период времени и в разных ситуациях оптимально, гибко и эффективно решать возникающие проблемы. Развитие подготовки конкурентоспособной личности сегодня должно непременно включать в себя изменение как содержательной стороны знаний, так и организационно-методической стороны преподавания дисциплин в вузе.

РК по праву считается страной, где значительная часть населения обладает высшим образованием. Однако количественная палитра специалистов и разнообразных вузов не всегда соответствует основной задаче государства в сфере образования - подготовке конкурентоспособной личности.

Речь о том, что в проводимых реформах слабо выступает продуманная система подготовки конкурентоспособной личности в вузах. Исходным фундаментом в решении этой без преувеличения программной государственной задачи для РК выступает западный опыт подготовки специалистов, т.н. Болонская система образования европейских стран. Но создается впечатление, что отечественная система образования в этом опыте больше взяла форму, нежели содержательную сторону, которую следует внедрять с учетом нашей регионально-национальной специфики. Во всех вузах РК по западным образовательным стандартам внедрена кредитная система обучения, тестовая форма контроля знаний студентов, формально-бумажная документация в виде непременных УМКД, рабочих программ и пр. Все эти слагаемые в сущности не приближают, а скорее отдаляют задачу подготовки конкурентоспособных специалистов в вузах, ибо они способствуют по мнению многих специалистов больше формализации процесса обучения, нежели решению содержания задачи.

Но тогда возникает вопрос, а в чем должна проявляться действительно реальная сторона подготовки конкурентоспособной личности? Если кратко, то в значительном изменении содержательных характеристик личности. Прежде всего, это должно коснуться профессиональной компетентности личности, которая должна строиться по нашему мнению не просто на наличии, а на востребованности знания, умений, качеств личности теми или иными предприятиями, объектами. Эта слагаемое стороны конкурентоспособности личности, надо признать, развита в РК пока довольно слабо. Об этом, в частности, можно судить по тому, что до сих пор дипломы о высшем образовании всех вузов (как государственных, так и частных) имеют при трудоустройстве одинаковую силу.

Утверждение в общественном сознании психологической черты конкурентоспособности требуют так же изучения и усвоения учебно-научных дисциплин развивающих компьютерную грамотность, культурную открытость, языковую компетентность.

В целом, данные характеристики в сумме с профессиональной и компьютерной грамотностью компетентностью сегодня выступают суммарными показателями успешности подготовки выпускника вуза, что, ему позволяет быть конкурентоспособным на современном рынке труда. Наличие подобных слагаемых конкурентоспособности означает, что качество рабочей силы данного работника в наибольшей степени соответствует требованиям современного производства, должности, а в условиях соперничества это соответствие призвано практически доказываться.

При этом, безусловно, главным индикатором конкурентоспособности должна выступать прежде всего профессиональная компетентность. Не случайно, термин «профессия» обозначает - «открыто признавать, заявлять,

называть себя, говорить о своем предназначении». Профессионализм – это мера и степень совершенства, которых достигает человек в своей деятельности. Профессиональная компетентность – степень проявления профессионализма, глубокое доскональное знание своего дела и способность делать его хорошо и эффективно. Это условие эффективной трудовой деятельности и личностно-нравственная категория, корректирующая профессиональный рост

Профессионализм – это не только высший уровень знаний, умений и результатов труда специалиста в данной области, а определенная системная организация психики человека с определенной социальной направленностью, отношением к внешнему миру, к людям, к себе, к представлению о своем месте в профессиональной общности. Профессионал, как правило, всегда демонстрирует высокую степень совершенства исполнения, он безупречен в своем деле, в своей профессии. У него свой стиль, свой образ жизни, он красив своим отношением к делу, его не могут парализовать мелочи и случайности. У него развито чувство собственного достоинства, которое базируется на уверенности и четком понимании своего профессионального предназначения. Такой специалист не живет одним днем, он всегда анализирует весь свой путь, всю траекторию своей деятельности, постоянно в поиске, постоянно самосовершенствуется и предвидит свое будущее.

Профессионал без должной инициативности, без стремления добиться большего, чем другие не конкурентоспособен. Поэтому прекрасное знание своего дела должно органически сочетаться с социально-волевыми качествами личности. Конкурентные отношения требуют инициативного, высококвалифицированного работника, глубоко вовлеченного в процесс принятия решений.

Образно говоря задача в частности, в том, чтобы через воспитание нового типа инженера, мастера и пр. воспитать в сущности новый тип человека. Такого, который бы не чувствовал себя потерянным в быстро меняющемся мире, человека, которого изменения воодушевляли бы, человека, способного к импровизации, уверенного, мужественного и сильного. Такой бы индивид мог бы с честью и с радостью встречал неожиданную, новую для него, ситуацию. Конкуренция должна рассматриваться как борьба за достижение наилучших результатов на определенном пространстве деятельности в рамках заданных норм и правил, требующая проявления субъективной активности, творческих действий.

Сдерживающими моментами формирования современных инновационных моделей профессионального поведения являются в Казахстане такие традиционно-ментальные факторы, как низкая правовая и этическая обусловленность трудового поведения, преобладание неформальных отношений, обусловленных патронажными, родственными и личными взаимосвязями, слабый менеджмент, нездоровая конкуренция, ориентация на индивидуализм и материально ориентированный характер трудовой мотивации личности.

Новое общественное сознание, при условии его сформированности, объективно призвано изжить в традиционном национальном коде то, все еще нередко встречающиеся в сознании казахстанцев настроения иждивенчества, праздности, лени, приверженности родо-племенным и местническим настроениям, которые становятся нетерпимыми при технологически развитом современном производстве. Нам важно соединить то, что действительно важно и чем можем гордиться в национальном менталитете казахстанцев (толерантность, сотрудничество, гостеприимство и пр.) с теми духовно-психологическими качествами, которые диктуются

современным производством – прагматизмом, конкурентоспособностью, рационализмом. В принципе – это национальная форма выражения общественного сознания народа Казахстана, которая станет современной, соответствующей XXI веку и в то же время не выступающей аналогом западной модели. Органическое единство позитивов западного общественного сознания с лучшими духовными качествами казахстанского общества – вот в чем смысл целевой установки модернизации общественного сознания в Казахстане.

Весьма интересно, с этой точки зрения посмотреть на то, как складывается сегодня в социальном мнении портрет национального прототипа казаха с точки зрения их приближенности к вестернизированному, западному эталону личности, обладающему необходимым для XXI века качествами общественного сознания. И здесь следует обратить внимание на то, что в этом узелке формирования нового общественного сознания, как никакой иной происходит сближение, формирование общих компонентов, характерных для все более возрастающего количества казахстанцев. Национальный прототип ранее типичный для казаха становится иным, сближается с общим казахстанским типом личности.

Напомним, национальный прототип казахского менталитета, как правило, связывался с типичный положительным образом современного казаха с человеком из аула, аграрным сектором народного хозяйства. Отсюда образ типичного казаха все еще олицетворяется с сельским человеком, знающим казахский язык, ведущим размеренный образ жизни, придерживающимся традиционных устоев, кушающим бешмармак, баурсаки, пьющим кумыс. Заметим, даже советская промышленная модернизация не изменила в этом отношении типичного

представления о казахе, добавив только, что он еще и механизатор.

Этнический идеал казахского национального прототипа и сегодня мало изменился в общественном мнении. Но в то же время, надо признать, подобный национальный прототип казаха ныне меняется, выражаясь в сознании реальных людей в признаках деловитости, предприимчивости, инициативности, склонности к новациям жизни. Ранее, в силу большей приобщенности к промышленному труду, подобные качества были присущи прежде всего русской части Казахстана. Ныне же они становятся общими признаками общественного сознания всех казахстанцев. Конечно, новое в общественном сознании Казахстана – это еще далеко не западное сознание, но, однако по своему значению оно наиболее приближенное к нему чем советское, а тем более патриархально-феодалное сознание. Естественно, подобными качествами общественного сознания обладают прежде всего в условиях нынешних реалий люди т.н. казахстанского делового мира. Именно они, в принципе сегодня и являются первыми предвестниками той личности, которая соединяет в себе качества прагматиста, рационалиста, конкурентноспособности с историческими присущими традиционными качествами казахского народа – дружелюбием, гостеприимством, толерантностью.

В целом, стратегия модернизации общественного сознания Казахстана в социальном плане на основе органического единства с национальным кодом народа в известной степени напоминает подобный опыт реформирования, который прошла современная Япония. Но, все же представляется, здесь нет полного аналогии в силу серьезных различий стартовых начал, состояния исходности общественного сознания и общественного бытия современного Казахстана и Японии. Нынешний

механизм реформирования общественного сознания в Казахстане происходит при отсутствии или незначительной роли разветвленной современной производственно-технологической базы, наличия сырьевого характера и монополизма экономики, трудного психологического наследия советского и досоветского прошлого. Все это свидетельствует о том, что при общности стратегии двух стран, модернизация общественного сознания в Казахстане является более сложным процессом.

Сохранение национального кода, как условие модернизации общественного сознания

Национальный код носит конкретно-исторический характер. В этом смысле народ Казахстана, что подчеркивалось в отмеченной работе Н.Назарбаева, имеет свой собственный национальный код. Но какие его характеристики ?

Вопрос не прост, если учитывать, что в научном плане проблема того, что представляет собой национальный код Казахстана в литературе фактически не разрабатывалась.

На наш взгляд, исходным для исследования проблемы является, определение самого предмета национального кода применительно к нашей республике. Иначе говоря, надо выяснить, о чем идет речь, о национальном коде казахов, как градообразующей нации или национальном коде казахстанцев, как формирующейся сегодня в республике гражданской общности. Или о том и другом одновременно ?

Подчеркнем, здесь речь никоим образом не идет о противопоставлении национальных кодов двух исторических общностей в Казахстане. Однако, тем не менее, выяснение вопроса необходимо, ибо, как известно абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

На наш взгляд, вполне очевидно, что речь должна идти о реальности национального кода казахского народа, ибо казахи как нация уже существуют. Сегодня народ Казахстана – гражданская общность, объединяющая все население республики. Эта общность не нация, а значит, в нем нет и национального кода. Но раз гражданская общность в виде народа развивается, она потенциально, в перспективе может стать и нацией.

Базой формирования гражданской общности Казахстана – народа, а впоследствии и политической нации является национальный код казахов, ибо он выступает объективно по своей роли основным этносом страны, градообразующей нацией.

Значение национального кода и его основной составляющей вообще для нации трудно переоценить. Всякая нация существует до тех пор, пока сохраняется ее национальный код, внутренняя ментальность. История различных народов дает примеры понимания важности сохранения национально-культурного кода в различных народах. Известно, например, что еврей, рассеянные по всему миру, благодаря синагоге сохранили свою самобытность, свое этническое самосознание и культурные особенности. И подобное произошло по той причине, что еврей сохранили свой еврейские традиции, являющиеся составной частью национального менталитета. И это понятно, ведь традиции не могут передаваться по воздуху, как скажем грипп, для их передачи нужны институты,

выступающие носителями и контролерами соблюдения традиции.

Российский философ Александр Дугин по этому поводу пишет «В Европе существовало несколько версии интеграции приезжих. Наиболее действенна была идея ассимиляции приезжих. Кстати, и в Америке тоже. И хотя говорят, что в Америке это *melting pot* (плавильный котел), что это разные культуры, но Хантингтон говоря об Америке указал, что существует некий Культурный код – *WaspWhiteAnglo-SaxonProtestants* - белые англосаксонские протестанты. Они выработали этот код настолько жестко, что и желтые, и латиноамериканцы, и негры, и русские, и еврей, и европейцы, которые попадали в США, принимали его. Этот Код означал культурную ассимиляцию, с сохранением каких-то национальных особенностей, но только некоторых. По сути дела основной Код внедряется в США очень жестко»[4].

Иначе говоря, в США давно поняли, что нацию, государство духовно сплачивает именно национально-культурный код, потому там очень жестко внедряют и внимательно контролируют, чтобы не было подмены. Примечательно, что и в современной России, после нескольких десятилетий забвения, растет понимание важности сохранения национально-культурного кода страны. В частности, В.Путин, в статье «Россия: национальный вопрос» отмечает, что «культурный код подвергся в последние годы серьезным испытаниям, его пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»[5].

Основное предназначение национального кода в том, что она характеризует специфическое лицо нации в среде других народов. В этом сущность национального кода. Всякое уничтожение нации начинается с гибели его

ментальной природы, умирания языка, национальных привычек, традиции, духовных ценностей. Во всякой нации национально-культурный код образует фундамент, основу, без чего данная нация не может существовать, развиваться

Существуют различные формы воздействия на изменение культурно-национального кода. Есть формы, если так можно выразиться мягкие, когда не навязчиво, но настойчиво и последовательно внедряются «чужие», а по природе чуждые инонациональные элементы, влияющие на изменение культурного кода народа. Меняются вначале порой казалось незначительные культурные стандарты нации. Француз по происхождению и американец по призванию психолог Клотер Рапай дает в этом отношении интересные житейские факты. Он задается, казалось безобидными и не имеющими какого либо отношения к коду вопросами. Например, почему у американского джипа фары должны быть круглыми? Почему во Франции идея изготовления сыра из пастеризованного молока обречена на провал? Почему реклама одного и того же товара в Америке, Германии или Франции должна быть разной? «Потому, - отвечает К.Рапай, - что восприятие любой вещи, явления или понятия — будь то машина, еда, отношения между людьми и даже сама страна — восходит к самым ранним детским впечатлениям и откладывается в глубинной части мозга, которая отвечает за выживание. Тайный смысл сложившихся образов в каждой культуре свой. Это своего рода замок, и открывается он с помощью шифра — культурного кода»[6].

Исследователь обращает внимание на связь, которая существует между поведением людей в социуме (в том числе потребительской) и национальной культурой. Он показывает, что на практике вполне можно, например, японцев с традиционной культурой чаепития заставить быть

подверженным кофейным напиткам. Для этого, будучи еще и предпринимателем, он просто увеличил продажу кофе «Nestle», став, в конце концов, из обычного доктора миллиардером.

Отсюда видно, что существует возможность, казалось бы, вполне безобидными нововведениями вмешаться в культурно бессознательное в природе нации, внести коррективы, а то и перекодировать культурный код.

Но история нации знает и примеры не мягкого, а прямого, жесткого давления на национальные коды народов. И тому поучительный пример дает судьба национального кода казахов в советскую эпоху.

Хотя справедливости ради скажем, определенная деформация национального кода при СССР происходила не только в казахском народе, но и во всех нациях и народностях, проживающих в составе советской империи. Но изменения национального менталитета казахов как следствие внешнего воздействия были особенно сильными. Этот процесс во всех республиках бывшего Союза проводился под влиянием духовно-идеологического воздействия, которое собственно и выступала по нашему мнению, определяющим, основным инструментом разрушения национального сознания и культурного кода народов огромной страны. Все остальные средства деформирующего воздействия на национально-культурный код, а это административные, политические, порой силовые, целесообразно рассматривать как вытекающие из действия главного инструментария СССР имеющего идеологический характер.

В литературе, в том числе научной такая причинно-следственная связь не всегда учитывается. Внимание, как правило, акцентируется на административно-политических акциях советской власти по отношению к национальной сфере. Но этим самым затушевывается первопричина, в лице советской идеологии пытавшаяся «научно» обосновать историческое будущее национальных сознаний и являющаяся, по сути, основным фактором деформации национального кода народов СССР.

Для сравнения отметим, что если в сфере развития материальной культуры каждой национальной республики Союза были достигнуты значительные, более того впечатляющие успехи, то этого нельзя сказать о влиянии советского социализма на состояние духовной составляющей советских наций. Хотя стоит напомнить, что действительно позитивные результаты в развитии материальной культуры республик (строительство школ, театров, достижения в ликвидации неграмотности и пр.) активно использовались советскими обществоведами для иллюстрации развития и расцвета национальной культуры народов СССР.

Но подобная оценка достижений советских республик являлась по сути односторонней. Она игнорировала состояние внутреннего духовно-национального состояния народа республики, в котором положительных перемен этнического характера и при этом серьезного масштаба отнюдь не происходило. И подобное не было случайностью. Идея постепенного отмирания нации и национальных различий выступала официальным

идеологическим принципом национальной политики СССР на протяжении всех лет существования советского режима.

Но ведь от различий в нациях, образно говоря не уйти. Есть национально-бытовые, исторические, языковые и пр. различия между нациями, которые были в прошлом, они всегда будут, пока есть нации. И этих областях, как показывает история культур, могут и происходят сближающие народы процессы и порой довольно динамичные. Но та же история свидетельствует, что кардинальные различия между нациями, народами кроются особенно сильно в духовно-психологической области, национально-культурном коде, которые несмотря на давление на него мало меняются.

Инертность изменения национального кода резко контрастирует с социальными изменениями человека в истории нации. Их порой отождествляют, что неверно. Скажем, кого сегодня можно назвать «истинным казахом». Вопрос нелегкий. Достаточно сказать, что примерно за 250-летнюю историю казахи сменили 4-5 ролевых моделей, в каждой из которых понятие «истинный казах» было наполнено своим социальным содержанием. Истинный казах в кочевом обществе – это батыр, свободолюбивая личность, при царской, а впоследствии советской империи – знающий казахский язык, соблюдающий родные обычаи, в современном Казахстане – казах – этот тот, кто не только владеет языком, но и энергичен, деловит и пр. Но что примечательно, все эти социальные изменения в образе казаха в его истории не изменили национального кода и менталитета казахского народа.

К основным признакам менталитета казахской нации несмотря на порой судьбоносные социальные повороты в его истории как и прежде относятся — открытость, гостеприимство, незлопамятность, дружелюбие, почитание семейных устоев. Казах отличается от общих масс населения нашей планеты невероятной сплоченностью, душевная доброта, готовность обогреть теплом, подарить ласку и, наконец, поделиться с нуждающимся. Казахи исторически не питали ненависти, неприязни или превосходства — такие чувства чужды этому мягкому и полному внутренней гармонии народу. С детства казахам прививали своим детям уважение к старшим, поэтому мудрейший в роду — непоколебимый авторитет. Однако и взрослые с должным уважением и неземной любовью относятся к детям — даже в самые суровые времена отцы и матери заботились о своих чадах, при этом женщины рожали столько наследников и наследниц своим мужьям, сколько им даровал возможность Бог. Также говоря о менталитете казахов, несправедливо было бы не отметить понимание и сострадание, которое испытывают казахи к представителю другого народа, нуждающегося в поддержке, помощи.

Все это — в совокупности психологические свойства характеризующие этические, моральные, ценностные, психические качества общие для казахов, их повседневного существования, которые в веках в основе своей остаются неизменными.

Существует немало признаний известных людей, как в прошлом, так и настоящем о слагаемых содержания национального кода казахского народа. Приведем в

частности, точку зрения современного отечественного политика Фархада Куанганова[7] который менталитет казахов напрямую связывает с их национальным кодом. «Понятие национального кода, - утверждает он, - используется как основополагающее и базовое. Вместе с тем, часто задают вопросы: а что же есть национальный код? На наш взгляд, идентичность человека в традиционном казахском обществе во все времена, его нравственные основы мировоззрения определялись такими ключевыми понятиями, как жеті ата – почитание предков, уважение к старшим, язык и культура, родная земля и т.д. Эти кодовые понятия и формировали характер казаха, как гены формируют облик человека, его отношение к миру». По мнению Ф. Куанганова национальный код казахов включает в себя четыре составляющие: жеті ата (почитание предков), тіл (язык и культура), жер (земля), ел (государственность). Эти понятия, по глубокому убеждению Куанганова, «обладают большим запасом прочности», чтобы противостоять религиозному экстремизму в стране.

Разделяя в принципе подобную позицию Ф.Куанганова, Земфира Ержан, искусствовед и главный редактор kieli7su.kz, все же считает, что постоянной составляющей национального кода является язык как фундамент культуры [8].

В целом можно согласиться с подобными трактовками национального кода казахов. Замети лишь следующее. Во-первых, слагаемые национального кода казахского народа являются таковыми отнюдь не только в силу их противовеса религиозному экстремизму, но еще и потому, что

выступают для казахов естественными, исторически сложившимися. И во-вторых, несмотря на всю фундаментальную значимость фактора языка для любой нации, в частности современной казахской нации, он все же не определяет все содержание слагаемых национального кода.

По форме выражения национальный код казахов, несет в себе одни и те же универсальные для всех народов компоненты. Они, как ранее нами обосновывалось, сводятся к трем составным: во-первых, конкретному менталитету данной нации, во-вторых, его практическому выражению – национальному прототипу народа и третьих, социально-культурному выражению - родному языку. Другой вопрос, что эти компоненты национального кода специфически преломляются и уже конкретно выражаются в коде всякой отдельно взятой нации.

Почитание предков, открытость, дружелюбие, гостеприимство, отсутствие ненависти, превосходства и др. качества казахского менталитета в своем своеобразном сочетании, вкпе и есть проявление национального кода казахов как народа. Но, свой подобные конкретные проявления национального кода, но уже в иной форме, иной связи, ином духовно-психологическом выражении есть и у других народов. Приведем их из собственных наблюдений и общественного мнения людей. Скажем, украинцы более национально импульсивны, более разговорчивы, может быть порой даже бесцеремонны и более любопытны. Они, неусидчивы и путешествуя, все время устраивают застолья, вовлекая в него всех окружающих. Белорусы кардинально отличаются от веселых, словоохотливых и неусидчивых украинцев. Они сдержанны, терпеливы, аккуратны и несколько прижимисты. Не агрессивны, встретить злого

белоруса очень трудно, также как и непьющего хохла. Белорусы очень трудолюбивы, почти трудоголики. Русские ассоциируются с щедрым гостеприимством, редкой жертвенностью, трудно преодолимой лень., склонностью к выпивке.

Конечно, наверняка нами названы не все признаки национального кода, точнее менталитета казахов, украинцев, белорусов, русских взятых в отдельности. Тем более, возможно, и, названные признаки не бесспорны. Есть и другие составляющие менталитета отличающие неуловимо эти народы. Но в любом случае национальный код, менталитет выступает по своей значимости специфическим водоразделом между нациями. Они образуют в любом народе неповторимый букет того духовно-национального, своеобразного что создает колорит данной нации, лицо данного народа мировому сообществу. История и бурные социальные события в ней не властны над национальным кодом. Проходят годы, столетия, но код нации и прежде всего менталитет нации в своей основе остается неизменным.

По сих пор существуют, например, довольно близкие по быту, языку, обычаям, традициям современные народы узбеков, казахов, киргизов. Объединяющий их исходный древний корень в их тюркоязычности. Но вместе с тем, все эти народы при всей своей видимой общности в элементах материальной, духовной культуры, значительно различаются по своим особенностям национальной души, привычкам, традиционным ценностям, психологии, т.е. прежде всего по менталитету. Именно менталитет, являющийся основой национального кода, придает наибольшее духовное своеобразие национальному лицу

любого народа, выступает внутренне действительным водоразделом различия между разными нациями.

Другой исторический факт, но уже геополитического порядка из этого разряда. Довольно часто задаются вопросом, а почему, например, несмотря на непросто значительные, а судьбоносные для страны уступки в начале 90-х годов со стороны М.С.Горбачева и Б.Ельцина, западные страны так и не приняли в свое лоно новую Россию. Говорят о противоположности геополитических, идеологических и пр. интересов России и Запада. Но, при этом не упоминают о разнице ментальных особенностей западного и русского человека, которые, кстати, так же объясняют тщетность такого рода исторических попыток сблизить Россию и Запад не только М. Горбачева, но и И. Грозного, Петра 1. Запад никогда не воспринимал, и не будет воспринимать, как нам представляется, Россию как свою. И дело здесь именно в кардинальном отличии менталитета, национального кода России от Запада.

Отметим лишь некоторые исторические ментальные отличия среднестатистического русского от такого же европейца. 1) Для западного человека закон выше справедливости, для русского справедливость выше закона. Юрий Деточкин для русского - герой, а для западного - преступник. 2) Русские более консервативны. Отсюда массовое неприятие либералов и их идеологии. 3) Для западного человека интересы личности выше интересов государства, для русского интересы государства выше интересов личности. Это, кстати, дополнительная причина нелюбви русских по отношению к либералам. 4) Западный человек более рационален, русские более иррациональны. 5)

В Европе богатый человек - уважаемый человек. В России богатый в общественном сознании обязательно жулик, вор или бандит. Поговорка "от трудов праведных не наживешь палат каменных" - чисто русская.

Ликвидация менталитета, национального кода в целом, равносильна уничтожению нации. Именно этим руководствовалась национальная политика СССР «отмирания нации» в отношении народов населяющих советскую империю. Добавим, политика в основе своей утопичная, ибо ни в одной национальной республике эта цель не была достигнута.

Тем не менее, определенные деформации в исторических судьбах национального кода казахов под влиянием подобной политики имели место. Под флагом «пережитков прошлого» наряду с действительно отмирающими, были преданы забвению немало казахских традиции и обычаев, которые имели вековую историю своего существования (Наурыз и др.). Большие деформации претерпела состояние казахского национального языка. В результате повального закрытия казахских школ, других учебных заведений, крайне малого количества национальных театров, спектаклей происходил, начиная с 30-х годов XX в. процесс постепенного угасания казахского языка. Под влиянием политики «руссификации» к началу получения государственной независимости порядка 60 % казахского населения не знало своего родного языка, что, в частности, не наблюдалось ни в одной из республик бывшего Союза. В результате под вопрос было поставлено само существование казахской общности как нации. Некоторые социологи позже, уже в годы независимости, подсчитали, что при подобных темпах обрусения казахская нация уже через 20 лет начала бы процесс естественного отмирания.

Но что характерно при таких тяжелейших деформациях, плачевного состояния казахского языка казахи как нация все же сохранились. Остался, хотя и порядком подзабытый частью казахов и язык, который начал возрождаться с получением государственно-политической независимости Республики Казахстан.

А это значит, что социалистический эксперимент «по отмиранию нации» в советском Казахстане не достиг своей цели. Национальный код казахского народа все же не удалось уничтожить. Дух казахов, внутренняя национальная самоидентичность, искомые внутренние духовно-психологические признаки в менталитете казахов несмотря на деформации все же в основе остались.

Национальный код казахов, несмотря на сильнейшие в нем деформации советского времени проявил здоровый консерватизм, сохранился. И сегодня в менталитете казахов живут основные природно-этнические качества как приверженность традициям, приоритет родственных связей над гражданскими, почитание старших и родителей, терпимость, миролюбие и гостеприимность, склонность к подражанию и заимствованиям, динамизм и мобильность. По прежнему, как и столетия назад, проявляются в ментальности современных казахов чувство долга, коллективизм на семейной и земляческой основе, законопослушность и чиновпочитание, стремление найти поддержку в ком-либо (поиск покровителя), обостренное чувство стыда и собственного достоинства. Казахи сохранили сострадательность, уживчивость, выносливость, сдержанность, скромность. Но, одновременно признаемся в ментальности казахов остались и остаточно-

психологические рецидивы в общественном сознании как известная пассивность, склонность к лени, иждивенчеству. Сохранились, исторически, как видим, не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны прежнего менталитета казахов.

Следовательно, при объяснении причин сохранения казахской нации при СССР, несмотря на критически высокую долю обрусения казахов важно учитывать общую природу менталитета в сохранении национального кода, который, как мы отмечали, исторически характеризуется своим консерватизмом и устойчивостью к крупным переменам в жизни нации. Можно сказать, что само сочетание понятий «менталитет» и «современность» является в известном смысле диссонансом. Мы не вырабатываем менталитет сами в процессе индивидуального жизнетворчества, а получаем от своих предков, ближних и дальних. Отдельная личность может осознавать в себе действие коллективного менталитета, но контролировать его – нет. Менталитет – является тем общим, что связывает человека с его соплеменниками, с нацией, с поколением и эпохой вообще. Он формируется в течение веков, под воздействием множества условий: природной среды обитания, типа традиционного хозяйства и других социальных, культурных и политических факторов. В менталитете сохраняются пласты и наслоения различных эпох исторической жизни и памяти народа, кристаллизуются архетипы, формирующие стиль мышления, привычки и формы общения людей одной культуры. Все это создает особое силовое, ментальное поле, пронизывающее собой сознание всех членов общности,

исподволь определяя их ценностные установки и мировоззренческие ориентиры. Речь идет о добровольном и самим человеком не замечаемом усвоении принятых в данной общности схем, шаблонов, образцов мышления и поведения. Менталитет – это то, что полностью не высказано, не сформулировано, не осознано до конца, но существует и предопределяет отношение человека к миру.

Консерватизм национального менталитета проявляется не только в малой изменчивости. Эта же черта выражается в весьма высокой степени относительной самостоятельности процесса складывания и функционирования менталитета нации. Это означает, что хотя на формирование менталитета воздействует огромное и разнообразное множество факторов, менталитет, тем не менее, не выступает как их простое следствие, простая проекция в национальном сознании народа. Нет, менталитет нации имеет свое качественное своеобразие, и он существует, развивается, функционирует именно по законам своей собственной качественной природы. Отсюда, между прочим, следует, что между законами развития общества в целом или его структур и законами менталитета нации имеется принципиальное различие по содержанию, характеру, ритмике и т.д. Поэтому в принципе возможна не только гармония, но и противоречие развитие общества и ментальности нации.

Консерватизм менталитета нации сохраняется, демонстрируя свою относительную самостоятельность, особенно в мононациональной среде, даже если она подвергается давлению со стороны. Примечательно, что в тех советских республиках, которые были традиционно

мононациональными (Армения, Азербайджан, Чечня и некоторых других) национальный код этих народов и его основное ядро – менталитет нации мало испытали деформирующее влияние идеологии. В то же время, разрушительные процессы менталитета народов Белоруссии, Украины, и в особенности Казахстана на протяжении всех лет Советской власти проявились особенно сильно, ибо сопровождались кризисными явлениями в состоянии национально-этнического языка, исчезновением определенных традиции, обычаев, привычек, ценностей и т.д.

Хотя, бесспорно, под влиянием своих естественных механизмов и национальный код и менталитет всякой нации меняется, но не столь динамично, быстро, как это бывает в других социальных процессах. В большей степени национально-ментальные особенности этносов по своей природе выступают консервативными, трудно поддающиеся изменениям. Отсюда и получается ситуация, которую Пителим Сорокин определил так: «Мы живем мертвыми, нами управляют все поколения, когда-то жившие раньше нас»[9].

В реальной процессе исторического развития, как правило, меняются формы проявления национального кода, связанные с некоторыми практическими, видимыми его сторонами (предметы быта, одежды и пр.) Но, суть кода народа, состоящая в его национальной ментальности, остается мало подвержена изменениям. Подобное в соотношении изменчивости практической стороны национального кода и относительной неизменности внутренней его составляющей – менталитета нации,

проявляется каждый раз в истории народа при трансформации культуры. Довольно наглядно, как представляется, эту ситуацию иллюстрирует кросс культурный анализ, при котором главным основанием является сопоставление проявлений изменении национального кода в зависимости от их принадлежности к исторически разным культурам в истории нации.

Из конкретно-эмпирического материала истории Казахстана известно, что, различные виды культуры, существовавшие в исторических судьбах казахского народа, оставили разный духовный отпечаток в национальном коде казахов, что не могло не сказаться в современном менталитете народа. Подходя к вопросу с позиции периодизации развития национального кода казахского народа представляется, что в развитии менталитета казахов отразились особенности двух исторических этапов этногенеза: процесса складывания казахов, как народности и второе – развития и формирования казахской нации. Безусловно, эти этапы связаны естественной логикой исторического развития казахов, как единой общности.

Иначе говоря, в строгом смысле слова понятие «национальный менталитет» имеет в историческом срезе применительно к казахам как общности определенную точку своего возникновения и развития. А это означает, что в содержательном смысле понятие «национальный менталитет» несет в себе слагаемые процесса становления и развития общеказахской национальной общности.

Как известно, до появления казахской нации существовал исторически предшествующий период складывания казахов, но еще как народности (с XV в), при

котором только складывались общие ментальные особенности казахской общности, на базе постепенного преодоления следов патриархально- родового сознания. Народность, характеризуется тем, что существуют экономические, территориальные, языковые, культурные признаки общности, но в меньшей мере представлена духовно-психологическая общность народа. На этом этапе истории развития казахов в силу еще довольно заметного родового деления казахов общеказахский менталитет только складывается, находится в стадии своего становления. Более выражены различия в ментальности различных казахских родов (кипчаков, аргынов, найманов и др.) входящих в казахскую народность. О признаках все еще в то время складывающейся общеказахской ментальности XV111-X1X в., как известно, интересные сведения нам оставили, в частности, известные русские исследователи Левшин, Янукович и др.

В то же время, менталитету казахской нации, возникновение которой относится к концу X1X начала XX в., свойственны уже доминирующие общие признаки, характеризующие общность казахов в ином качестве - единое национальное самосознание, национальная гордость, национальное достоинство и пр. Но в национальном менталитете казахов, как и при его становлении, так и сейчас, не могут не проявляться и ментальные особенности характерные для народности в виде рецидивов патриархально-родового менталитета, которые по природе являются остаточными.

Природа такого «пережитков» традиционного менталитета в современном национальном коде казахов довольно специфична. Сферой его проявления выступают

сегодня главным образом межличностные отношения казахов, сфера быта, т.е. область массового сознания. Во-вторых, этот менталитет не имеет, как некогда в первобытное время своего т.н. родового кода, который предполагал бы строго соответствующую ему практическую линию поведения индивида, определенную территориальную отчужденность людей данного рода от других, официальное поклонение своим родовым предкам и т.д. В третьих, родовые пережитки в таком менталитете не занимают заметного места, а тем более не играют на массовом уровне доминирующей социальной роли. Поэтому с учетом ареала его проявления и роли, какой он играет среди современных казахов подобный менталитет целесообразно квалифицировать не столько как родовой, а сколько как «патриархальный». Патриархальный менталитет выражается сегодня не только в виде остатков сохранившихся до нынешних дней родовых обычаев, традиции (на чем неточно делается акцент). Проявления патриархальности сознания – это еще и оставшиеся от кочевой эпохи психологические привычки, стереотипы мышления, отношение друг к другу и пр. что часто присутствует порой невидимо в бытовых отношениях казахов, особенно старшего и среднего поколения.

При всем этом, проявления патриархальности, как компонента прежней отживающей ментальности в современной жизни носят как позитивный, так преимущественно негативный характер. В частности, отмеченные уже нами черты гостеприимства, радушия, дружелюбия и пр. в казахском народе имеют свои началом господствовавший в прошлом народный менталитет. Но не

менее очевидно, что проявляющая сегодня нередко лень, иждивенчество, расхлябанность, чванство и пр. черты психологии в среде современных казахов, так же берут свое начало в степной вольнице кочевья, когда господствовали патриархальные, архаичные отношения в обществе.

При этом, менталитет казахов, духовный по природе нельзя путать с практическими проявлениями казахского национального кода - атрибутами патриархальной жизни в быту, любовью казахов к изысканным специфическим блюдам – баурсаку, бешбармаку, кумысу и т.д., которые, несмотря на века исторического времени вполне и сегодня сохранились. Существуют, хотя и реже встречающиеся и другие практические проявления подобного традиционного казахского менталитета. В современных казахских аулах, например до сих пор сохранился обычай казахов по прежнему, как и тысячи лет тому назад юрты ставить лицом к Востоку. Современные казахи, как и многие столетия, назад склоны в своем поведении к степенности, не любят суеты, ценят спокойную беседу, обращают внимание на аргументированность, обстоятельность рассказа. Все это в совокупности выражает ментальность казахского народа во внешнем, практическом плане, выступают показателями казахской народной жизни и представляют собой психологические формы проявления патриархальности в национальном менталитете казахов.

В то же время в таком менталитете немало таких слагаемых, которые позитивными уже не назовешь. В этой части они не соответствуют XXI веку, задачам, которые ставит независимое казахстанское государство. Более того, некоторые из них становятся тормозом современному прогрессу, национальному развитию казахов. Они нередко

заявляют о своем существовании в самых различных областях функционирования современного казахстанского общества и государства, проявляясь на уровне общественного сознания.

Скажем наблюдающаяся сегодня в среде современных казахов приоритетность родственных уз в ущерб гражданским, государственным не является не чем иным, как отзвуком патриархального сознания, требующего интересы родственника ставить выше общественного. Безусловно, стремление к поддержке родственников есть и у других народов, в конце концов, у каждого человека. Но замечено, что она в меньшей мере существует и проявляется в тех обществах, в которых столетиями объективно выработывалась традиция приоритетности общего, государственного, гражданского. В то же время в среде современных казахов, традиции первостепенности приоритета государственно-гражданского интереса в массовом сознании и психологии формировались исторически недолго. Пожалуй, во временном плане, они охватывают только советский период и время политической независимости Казахстана. Отсюда и сегодня в среде казахов нередки факты, когда благодеяние своего родственника в ущерб государственным, общим интересам рассматривается как вполне нормальная норма социальной жизни.

Именно приоритетность патриархально-родственных отношений в среде современных казахов нередко выступает объяснительной причиной нездорового карьерного роста тех или иных чиновников в госаппарате. Народные присказки констатирующие результаты подобной кадровой политики - "Я от Баке (Саке, Маке и т.д.)" – отголосок того самого менталитета, который так же находится по историческому времени в кочевом обществе. Не случайно шутят "казахское резюме - самое короткое в мире". Не

секрет, что некоторые бизнесмены, политики, артисты и т.д. добиваются успехов именно таким образом.

Другая современная проблема, которая так же вытекает из остатков сохраняющегося сегодня патриархального менталитета. Известно, что великий Абай [10]. характеризуя менталитет казахов «изнутри» обращал внимание на то, что казахи довольно часто враждуют между собой, страдают чувством личной амбициозности, проявляют лень, лизоблюдство безинициативность и пр. Об этом же пишет и современный казахский писатель М.Магауин [11]. Автор по сути дела предъявляет претензию ко всей нации, считая, что существует внутриказахское противоречие - «враг казаха - казах». Но так ли это ? Теоретические его признание означало бы отсутствие вообще всякой национальной консолидированности казахов, что противоречит реальности существования феномена «казахской нации». Широко известно, что критике подобных недостатков в национальном характере казахов немало страниц в своих произведениях посвятили в своем творчестве не только Абай Кунанбаев, но и Сакен Сейфулин, Беймбет Майлин и др. известные казахские писатели.

Абай, например, в «Словах назидания» пишет « В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу ? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием ?» (слово 3). Неприязнь, недоброжелательство людей – качества психологические. Но взятые в философско-мировоззренческом контексте, а именно так их толкует Абай, они качества общие для социальной группы, в данном случае для казахов. Абай неоднократно возвращается к волнующей его проблеме. «Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть. Неужели нам так и жить, подстерегая друг

друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле ? Или, все таки, наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем. Вряд ли наступят такие дни» (слово 24).

Сегодня некоторые проявления подобного рода негативов во внутриказахских отношениях – это рецидив прошлой патриархальной ментальности, при котором жил Абай. Поэтому задача состоит в том, чтобы разобраться в природе такого психологического явления, чем оно обусловлено, какими обстоятельствами порождается. Ведь подобное если оно было естественно в условиях заметной роли патриархального менталитета, становится нетерпимым элементом процесса современной национальной консолидации казахского народа.

Но есть ли аналогичные примеры в жизни других народов? Или это феномен, присущий только казахам ? По мнению писателя Магауина – это массовое явление типичное для внутриказахских отношений, особенно для властвующей элиты.

Но это мнение писателя спорное. И не только потому, что казахи – в основе своей традиционно гостеприимны, дружелюбны, в том числе и между собой. Есть факты, говорящие о том, что казахи, проживающие в других странах, отличаются даже большей сплоченностью, чем другие народы. Шведские ученые, посетившие современный Синьцзян (Китай) отмечают удивительную особенность у казахов: «если уйгуры и узбеки довольно быстро ассимилируются, то казахи держаться особняком, не ассимилируются и сохраняют свой язык и культуру. Это

является нормой, поскольку казахи до получения независимости в 1991 г. были национальным меньшинством в бывшей, так называемой Казахской ССР (40% от общей численности населения), освоили хорошо русский язык, однако не ассимилировались».

Подобная сплоченность и дружественные обоюдные отношения – это весьма характерное явление для многих национальных меньшинств, живущих в других странах. И казахи в этом отношении не исключение. Это - мировая тенденция. Она подкрепляется множеством фактов подобного рода, как истории, так и современности. Известный казахский писатель М.Ауэзов, например, очень тепло в своих воспоминаниях пишет о дружных, теплых отношениях молодых казахов- студентов, которые в 50-60-е годы XX в. жили и учились в Москве. Современные русские в Казахстане, по наблюдениям современников живут между собой более кучно, нежели их соотечественники в соседней России. То же самое можно сказать о диаспорах корейцев, чеченцев и т.д., которые также проживают в Казахстане.

Таким образом, отрицать реальное наличие позитивных, дружественных отношений в среде казахов, как и других народов нельзя. Более того, можно утверждать, что сам факт существования современной казахской нации, его единого общего менталитета – уже свидетельство о реальном приоритете внутриказахских позитивных отношений, выраженное в общем национальном самосознании казахов. Следовательно, писатель несколько абсолютизирует нравственные недостатки казахов, речь скорее должна идти об указанных отрицательных явлениях,

как о весьма распространенных в среде казахов в Казахстане.

Сложный вопрос, чем это объясняется, в чем причины негативных взаимных отношении казахов. В российской литературе склонны объяснять их родо-жузовыми дифференциациями казахов. Однако с такой точкой зрения нельзя согласиться, ибо родовое сознание и его менталитет давно утратили свое былое могущество. В современной реальности проблема стоит шире, казах рассматривает другого казаха в качестве своего врага не из-за родовой противоположности, а в межличностном противоречии.

Писатель М.Магауин ссылается на мнение венгров, которые объясняют такие отношения казахов незнанием определенной их частью родного языка. В результате, считает писатель, вслед за венграми, неприятие казахского языка и своей культуры последними(шала-казахами) находит продолжение в неприятии себе подобных.

С такой логикой объяснения проблемы на наш взгляд, так же нельзя полностью согласиться. Получается, что дифференцируется по сути дела определенная группа казахов, которых сегодня называют «шала-казахами», и именно им приписывается злобное психологическое качество враждебности к своим соплеменникам. Но если судить непредвзято, согласимся, отношения взаимного недоброжелательства наблюдаются в целом среди казахов, как среди тех, кто владеет, так и тех, кто не владеет казахским языком.

Следовательно, думается, причины явления лежат в другой плоскости. Они в казахском обществе появилось не сегодня, и имеют вполне определенные исторические

основания. Но их никак нельзя связывать с временами после получения государственной независимости РК, как голословно считает писатель М.Магауин.

Корни отмеченного негативного явления лежат на наш взгляд в довольно сложной природе современного общественного сознания казахов, в природе все еще сохраняющихся в нем остатков патриархальной ментальности. В менталитете общественного сознания народа казах в глазах другого казаха всегда в прошлом выступал, и сегодня, заметим, традиционно является для него не только понятным, близким, но и самое главное, родственным. Из истории известно, что все казахи во все времена, являлись по отношению друг другу родственниками. Казахи, например, до сих пор, считают свое родословие «жеты ата» (семь предков) по трем линиям; 1) Ата_журт, предки по отцу; 2) нагаши_ата, предки по матери; 3) кайын_журт, предки жены. В принципе, при традициях экзогамии, считающих брак на «трехлинейной» родне до 7 колен инцестом и грехом, каждый казах приходится, так или иначе, родственником или свойственником любому казаху. Родственные отношения считаются до 40 колена: до 7 колена - родные, с 8 по 14 _ двоюродные, с 15 по 21 _ троюродные и т.д.

Именно подобные, все еще сохраняющиеся пережитки прежнего патриархального менталитета, основанные на высокой роли внутриродственных отношений между всеми казахами, собственно и создают почву для завышенных притязательных требований во внутриказахской среде. Отношения постоянного сопоставительного сравнения слагаемых «моего» и «его», его личных достижений и моих,

нередко становится психологической базой для проявлений чувства взаимной зависти, недоброжелательства и пр. в среде казахов.

Подобное «свойское» отношение внутри казахов,, подсознательное непризнание автономности соплеменника, независимости его как личности – одно из весьма примечательных особенностей патриархального менталитета казахов. Такой менталитет не существует в тех обществах, где нация как таковая полностью сложилась. В зрелой нации (а она складывается исторически на основе частнокапиталистической собственности) индивиды общности выступают по отношению друг другу автономными, самостоятельными, независимыми. Сферой реализации «Я» таких личностей выступает весь мир, все социальное окружение, не только свое национально-этническое. В то же время исторически столетиями в сознании казахов утверждалась психология личностного самоутверждения, прежде всего в среде своих соплеменников. А это объективно создавала в отношениях между казахами обстановку межличностного соперничества и основу для взаимной неприязни. И отзвуки, отголоски подобного менталитета проявляются и в среде современных казахов.

Здесь напрямую сказывается недолгий опыт формирования казахов как нации. Собственно о процессе зарождения казахской нации, возникновения его общеказахского национального менталитета следует говорить с конца XIX начала XX века, когда в Казахстане, хотя и в малом объеме начали развиваться буржуазные отношения.

Впоследствии, уже в Советском Казахстане казахская нация не получила своего полноценного национально-этнического выражения вследствие проводимой по всей советской империи политики «руссификации». Более того, времена 20—30 годов связанные с голодом и коллективизацией в Казахстане принесли не только ощутимые материально-демографические, но и национально-этнические потери связанные с проблемами национального менталитета казахов. Можно сказать, собственно до получения политической независимости казахи как общность не прошли полного цикла национального развития, при котором нация казахов сложилась бы во всех своих слагаемых. Отсюда нынешние проблемы, связанные с конкретным состоянием развития национального кода казахов несут в себе деформации, связанные со сложными коллизиями развития казахской нации, культуры казахского народа. В частности, проявления внутриэтнических противоречий в казахском народе необходимо рассматривать как отголосок традиции сохраняющегося патриархального менталитета, неполной на сегодняшний день сформированности казахов как нации.

Исторические причины лежат и в проявлениях в среде современных казахов так называемого «невротического сознания», национального самобичевания, самоунижения. В печати нередко публицисты, журналисты пишут о проявлениях в среде казахов недостаточного самоуважения, национального достоинства. Подобного рода факты национального самобичевания надо рассматривать как рецидив советского периода, который

фактически официально устами советской культуры (через содержание учебников, содержание спектаклей, фильмов и пр.) формировал у казахов социально-культурные и психологические комплексы. По большому счету истоки многих подобных изъянов – в общественном положении казахского народа в советском имперском прошлом и царской России. Отрицать подобного рода факты нельзя. Но проецируя на будущее можно сказать, что такие национально-психологические явления будут естественным образом исчезать с ростом авторитета Казахстана, личными стремлением каждого казаха знать свою национальную историю, культуру, язык.

Отсюда и определенный практический совет. От чтения некоторых отечественных публикации СМИ на эту тему складывается ощущение, что пишущие порой смакуют подобного рода явления в национальном характере казахов. Сегодня говорить о «казахской проблеме» становится признаком хорошего тона. Но ведь в этом случае из-за недостатка позитивных стимулов вырабатывается у народа еще больше комплекс неполноценности, провал в самооценке, потеря позитивной групповой идентичности, самоуважения, заниженное чувство чести и достоинства нации. Отсюда требование к материалам СМИ Казахстана одно- нужно не смаковать, а публиковать больше материалы иллюстрирующие процесс позитивного национального самоутверждения казахов.

В ряду подобного рода вопросов национально-ментального характера, являющихся следствием былого господства советской культуры является языковая проблема. Как известно, некоторые ревнители казахско-

патриархального образа жизни излишне спекулируют на значимости языковой проблемы в современном казахском менталитете. Крайние радикалы заявляют, что те, кто плохо знает родной, казахский язык не может являться казахом, ибо тем самым он не обладает для этого соответствующим национальным менталитетом.

Но подобная констатация, а здесь надо подходить к этому теоретически строго, фиксирует в казахам не столько их менталитет, а сколько языковой признак, являющийся практическим выражением национального кода и менталитета в частности. Акцент делается на внешне-национальном, что бросается в глаза, на практическом проявлении национального кода казаха, а не самом внутреннем содержании личности. Душа, ментальность казаха, его духовно-национальные чувства, помыслы современного казаха, в подобных безапелляционных выводах здесь в расчет не берутся.

Слабое знание частью казахов своего родного языка – это не повод для того, чтобы считать их этнически другими. Будучи преимущественно продуктами советского времени, обрусевшие казахи, несмотря на слабое знание родного языка остаются казахами. И причина тому – сохранение в их сознании своей национальной ментальности.

Здесь, если не подходить непредвзято, проявляются характерные для процессов действительности отношения сущности и явления. Практические видимые аспекты национального кода, скажем, как в нашем случае слабое или хорошее знание казахского языка, могут быть разными – это явление, но национальный менталитет – сущность современного казаха, как и у его исторического предка, в основе своей, как правило, остается неизменной.

Дело не в языке, не в степени его владения, по большому счету, в перспективе рано или поздно, эта проблема в

Казахстане будет решена. И не только под влиянием национальной политики власти. В демографии республики, как известно, все шире проявляется естественная тенденция усиления казахской мононациональности, что так же будет объективно способствовать решению языковой проблемы.

Речь о другом. Сторонники признания владения казахским языком в качестве основного мерил этничности казаха констатируют только практическое проявление национального кода человека – в данном случае уровень знания казахского языка. Но при этом игнорируется состояние внутренней национальной души современного казаха, его ментальность, его желание быть казахом, гордость своей этнической принадлежностью, родной историей, культурой и пр.

Язык сам по себе, даже если им владеешь хорошо, взятый в его формально-лингвистическом и вербальном плане не выступает решающим показателем принадлежности человека к определенной нации. И тому жизнь современных казахов дает множество примеров, которые носят отнюдь не единичный, а довольно распространенный характер. Ведь можно быть и по паспорту и по внешнему виду, и прекрасному знанию родного языка быть казахом, но в то же время не быть таковым в реальности. Ведь отмечаются немало жизненных примеров знания казахского языка и в то же время некоторой внутренней отстраненности по отношению к своему собственному народу, отчуждения от своих народных обычаев, традиции, равнодушия, а то и презрения к ним. Констатируя наличие подобных личностей в среде казахов еще в советское время, бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана

Г.Н.Колбин вполне определенно называл таковых «национальными нигилистами».

Иначе говоря, даже знание национального языка само по себе не может выступать гарантией наличия развитого национального самосознания личности, того самого, что столь ярко, например, демонстрируют например, современные американцы, русские, англичане. И наоборот. От русскоязычия казах не перестает быть казахом, его гены, полученные от предков, не изменяются. В нем увеличивающийся из поколения в поколение объем получаемой через русский язык научной информации придает ментальности характер соответствующий времени, но он по сути остается неизменным в своей основе.

Современных казахов надо делить не по знанию языка, а по отношению к казахской нации, его культуре, человеческим достоинствам. Казах ты или не казах – это проблема не сугубо языковая, точнее не только языковая. Этот вопрос нельзя сводить к механической, а тем более статистической констатации людей знающих казахский язык, не знающих его, или слабо им владеющим. Можно не знать, или знать частично казахский язык и быть, тем не менее, настоящим казахом. И это отнюдь не парадокс. Все дело во внутренней душе человека, в том насколько в нем развито чувство национального достоинства и внутренней национальной гордости. А ведь именно эти национально-духовные качества собственно и характеризуют одну из важнейших составных национального менталитета человека.

В массовом представителе нации, в том числе в современном казахе, как правило, развита одновременно и

гордость за принадлежность к своей нации и в то же время знание своего родного языка. Такова реальная национально-лингвистическая увязка существует в типичном казахском сознании, народе в целом. Это можно сказать, идеальная конструкция. Но все же главным, основным показателем национальной идентичности выступает ментальность конкретного человека. Обладая им, человек не может быть равнодушным в своем стремлении знать родной язык. А это значит, что он вполне способен решить проблему неполного знания им родного языка.

Таким образом, требование сохранения национального кода казахов, его менталитета не означает, что сегодня, в век высоких технологии, мы должны в первоизданном виде возродить искомые казахские традиции и обычаи степного времени. Необходимо развивать, осовременивать менталитет казахского народа. А это означает, что сохраняя бережно самое лучшее, позитивное в менталитете необходимо отказываться в нем от отжившего, не соответствующего требованиям современного времени. Одновременно важно ликвидировать деформации национального кода и менталитета, которые достались в наследство от советского времени. В этом должна проявляться динамика развития, изменения ментальности казахов как нации XXI века, стремления придать ему современный характер.

Проблемы модернизации отношения этнического и гражданского в общественном сознании

Современный Казахстан предстает регионом, в котором этнические процессы в нации тесно переплетаются в своем развитии с общегражданскими. Этническое характеризует естественно-природные качества сформированные динамикой развития нации. В мире признающая подобный вариант развития нации известна как примордиалистская концепция. Она противопоставляется концепции гражданско-конструктивистской, для которой национальная общность – это все граждане государства, независимо от их этнического происхождения.

В современном Казахстане признается официально вторая концепция, называемая «гражданской», которая как исходный принцип лежит в основе проводимой современной национальной политики государства. Считается, что в республике формируется гражданская общность, называемой казахстанской. Она в республике на настоящий момент не признается нацией, так как для этого недостаточно сформирована. Все этносы живущие в Казахстане живут в одной стране, являются единым, общим народом – «казахстанцы». В официальном лексиконе, в научном обороте для констатации уровня состояния казахстанской общности применяется понятие «народ Казахстана».

Исходной демографической базой для проводимой властью Казахстана политики формирования гражданской общности выступает многонациональный количественный состав населения в республике. На начало января 2019 года численность народа Казахстана составляла порядка 18 млн.395567 чел. Из них казахи являются большинством – около 70 %, русские – около 20 %, остальные – небольшие по численности – узбеки, украинцы, уйгуры, татары и др.

численность которых колеблется от 3,5 и ниже. Таким образом, наиболее крупными этносами на сегодня выступают казахи и русские. В литературе чаще всего для характеристики второй группы употребляется термин «русскоязычные», включающий всех проживающих в Казахстане, за исключением казахов – представляющих основной этнос в республике.

Состояние общественного сознания, точнее, количество лиц признающих свою гражданскую идентичность выступает главным, основным в том, насколько успешно реально решается задача формирования казахстанской гражданской общности. Примечательно, сама идея формирования гражданской общности, называемой казахстанской не вызывает возражений в общественном сознании всех слоев общества, всех этносов, проживающих в республике. Люди оценивают подобную стратегическую цель, проводимую национальной политикой государства, как гуманную, направленную в интересах всех этносов в Казахстане. В формировании гражданской общности они видят надежный фундамент межнационального согласия в стране, направленный против национально-этнических крайностей. Казахстанцы согласны именовать такую гражданскую общность понятием «народ Казахстана»

Ключ к решению формирования гражданской общности лежит в национально-духовной области. Задача состоит в том, чтобы в общественном сознании вектор в соотношении этнического и общегражданского уверенно определялся развитием доминанты второго. Всякие иные определители формирования гражданской общности в республике являются несостоятельными, не отражающими истинное положение вещей в решении национальной политики Казахстана.

Между тем, на страницах печати, научных публикациях порой выдвигаются критерии формирования

гражданской общности, которые носят несколько поверхностный, а то и порой надуманный характер. Показательна в этом отношении содержание полемики журналиста С. Дуванова и политолога С. Жунусова на страницах газеты «Республика» в 2008 г. по национальной идее. С. Дуванов предлагает этноним «казах» рассматривать в качестве гражданской идентичности. Он пишет: «Суть этого компромисса (между сторонниками этнического и внеэтнического варианта государственности – *Р.С.*) в том, что все неказахи – граждане Казахстана, должны стать казахами, но при этом само понятие «казах» перестает быть этническим и выражает принадлежность к государству. Все предельно просто: мы все единая нация – казахи. При этом каждый в этническом плане остается тем, кем он был» [12]. Идея С. Дуванова на первый взгляд логична, ибо все проживающие по его мнению должны именовать себя казахами. Кстати, в российских СМИ этот вариант уже давно (получил) широкое употребление: казахами там часто называют граждан нашей страны с совсем не казахским обликом и фамилиями.

Несколько иное, толкование, с упором на главную роль природно-этнического казахского компонента в формировании гражданской общности предлагают некоторые известные деятели и ученые Казахстана. В частности, в открытом "Письме-73" они исходят из признания в республике только феномена «казахская нация». Будущее Казахстана, по их мысли, это формирование и развитие только казахской нации, не допускающей образования иной этнической общности. А остальные диаспоры должны «оказаться». По мнению

сторонников этой позиции, такие прецеденты есть и в современном мире. Так, по их мнению, например, самые руссифицированные из прибалтийских народов латыши, сейчас начали ассимилировать русских. В национальном государстве, согласно их логике, это должно быть нормой.

Иначе говоря, эволюционисты считают, что этническая нация казахов как государствообразующая должна ассимилировать, гомогенизировать все общество, состоящее из многих других этносов и создать нечто единое целое, общность. Казахский этнос, по их логике должен ассимилировать все этносы в Казахстане и создать нацию. В принципе нам предлагается идея гражданско-культурной общности казахстанцев, называемой уже «казахской нацией».

Та же идея искусственной конструкции гражданской нации Казахстана содержится и в сторонниках решения этого вопроса эволюционным путем. Они также добиваются того, чтобы всех в Казахстане считать казахской нацией. Но в отличие от «Письма – 73» они приводят эмпирические доводы, исходя из бесспорных социально-демографических реалии. Они приводят такие цифры. В 1989 году казахи в Казахстане насчитывали 39 % от общего количества населения, в 1999 г. уже 53 %, в 2009 г. казахов становится уже 67 %. Т.е. если в недавнем прошлом казахи в Казахстане составляли этническое меньшинство, то в настоящее время они численно преобладают. Вторым по численности населения в стране, как известно, идет русское население, которое составляет порядка 29 %.. Отсюда доктор исторических наук Азимбай Гали, приходит к выводу: "Что такое хорошо для Казахстана и казахов?"

Интеграция, ассимиляция и аккультурация на основе казахских ценностей. Будут уменьшаться носители этого (русского — Ю.Ч.) языка, меньше будет эпигонов и в качестве международного: казахи предпочтут английский, в качестве родного — казахский". И здесь во главу угла образования казахской нации приводятся, в сущности, внешне привлекательные доводы: увеличение количества казахов.

На наш взгляд, как точка зрения С.Дуванова, так и сторонников образования гражданской общности на основе оказаивания этносов республики несостоятельна. Позиция С.Дуванова, в частности, излишне упрощенная, ибо динамику формирования такой сложнейшей конфигурации, как гражданская общность он предлагает решить чисто словесно, назвав просто всех казахами. Конечно, назвать всех казахстанцев казахами, в принципе несложно. Это простая фиксация на уровне документов. Но одно словесное провозглашение всех в республике «казахской нацией» явно недостаточно, реально такой общности от этого не будет. С другой стороны и одно голое увеличение представителей основного этноса не приведет к образованию гражданской общности. Демографическое увеличение в Казахстане казахов создает этническую, но отнюдь не гражданскую общность.

О реальности гражданской общности необходимо судить по общности духовно-психологического единения этносов в республике, состояния и наличия общеказахстанского гражданского сознания. И если национально-этническое сознание есть выражение сознание конкретного этноса, его особенностей, то общественное сознание гражданской общности отражает общие присущие всем этносам

Казахстана духовно-психологические качества. В этом смысле слова «казах» и «казахское сознание», «русский», «русское сознание» несут в себе, прежде всего, этнокультурный, этнонациональный смысл. Термин «казахстанец», «казахстанское сознание» являются гражданскими, возникшими первоначально в Казахской ССР, а затем в современном Казахстане. Понятие «казахстанское сознание» характеризует общественное сознание, присущее всем гражданам Казахстана, независимо от их национально-этнической принадлежности. Правом выступать от имени всех национальностей страны, от всего казахстанского общества в целом могут только лишь термины «казахстанец» и «казахстанский». Термины же «казах» и «казахский» не могут выступать в этой роли, так как относятся только к части, а не ко всему населению страны.

О состоянии гражданского общества в Казахстане необходимо судить по тому, как разворачиваются процессы национального-этнического и гражданского в сферах национального сознания, общественной психологии, обыденного сознания и других компонентов общественного сознания народа Казахстана. В этой связи, в частности, представляется нельзя признать точной трактовку широко распространенного понимания термина «гражданское», как объединения государственной властью всех граждан в конкретно-территориальном и политическом пространстве государства. Этим самым, согласимся, фиксируется формально-видимая сторона формирования общности, игнорирующая содержательную (существует ли она, как реальность в сознании общности), которая и является главной. На первый план выдвигаются факторы политические – власть, государство, выступающие внешними силами, имеющие в принципе внешнее отношение к национально-гражданским процессам. Между

тем, оценку процессов, формирования гражданской общности в Казахстане необходимо строить с позиции состояния соотношения национального и гражданского в общественном сознании людей, проживающих в республике.

Во всякой многонациональной стране в формировании гражданской общности целесообразно выделять состояние достижения «народа» и как более зрелую «нацию». И то и другое социальное качество общностей нужно ставить в зависимость от зрелости гражданской идентичности всего населения страны, в особенности, т.н. наиндивидуального сознания граждан государства. Последнее выступает выражением общественного сознания многонационального состава населения существует наряду с этническим, национальным сознанием, имея однако иную природу. Возвышаясь, как общее она характеризует типичное, характерное для сознания каждого его гражданина, независимо от его национально-этнической принадлежности чувство собственной принадлежности к гражданской общности.

О реальности гражданской общности, в какой форме она выражается нужно судить не по факту ее обнародования политической властью, а по массе, объему тех людей, которые себя причисляют к гражданской общности, т.е. по состоянию общественного сознания, конкретной зрелости наиндивидуального сознания. Наличие у подавляющего большинства людей в государства, или у всех чувства принадлежности к нему и есть центральный показатель формирования гражданской общности. Отсутствие гражданской идентичности в сознании людей страны означает и отсутствие гражданской общности.

Конечно, содержание подобного наиндивидуального (общественного) сознания граждан государства не сводится только наличию его центрального компонента – признанию

гражданской идентичности его граждан. В структуре такого сознания помимо осознания гражданской идентичности существует и ценностное знание т.е. наличие позитивного или негативного отношения к самому факту принадлежности к государству, эмоциональный компонент – принятие или неприятие гражданской общности в качестве членства, что является результатом действия двух первых.

Иначе говоря, качество состояния гражданской общности определяются зрелостью наиндивидуального сознания. Понятие «народ», в частности, в многонациональном государстве фиксирует то состояние сознания граждан государства, при котором наряду с признанием гражданской идентичности довольно сильными выступают позиции национально-этнической идентификации. В то же время, состояние нации в гражданском смысле характеризует преобладающее над этничностью в сознании людей осознание принадлежности к государству, господство наиндивидуального сознания.

Конечно, сказанное не отменяет того, что взятые в отдельности, как понятие «народ», так и понятие «нация» имеют и известные вполне реальные другие смыслы понимания. Но когда эти два понятия рассматриваются в органической увязке исторически, тогда и выступают здесь проблемы того, как складываются отношения национально-этнического и гражданского при формировании общностей «народ», «нация».

Центральный пункт общегражданского общественного сознания – признак принадлежности к народу Казахстана налицо. Об этом довольно убедительно свидетельствуют все проводимые в настоящее время результаты социологических исследований среди населения Казахстана.

Но согласимся, чувство сопричастности, принадлежности к Казахстану может быть различной глубины. Оно может быть формальным или глубоким, преобладающим, или даже господствующим, подчиненным, второстепенным по отношению к национально-этническому. Подобное многообразное проявление состояния гражданско-общественного сознания Казахстана зачастую не всегда учитывается.

Посмотрим, в этой связи, какие результаты на этот счет дают данные некоторых социологических исследований в Казахстане. Весьма симптоматичными здесь выступают ответы респондентов на вопрос: «Что для Вас лично означает Ваша национальная принадлежность?» Примечательно, что все казахстанские социологи дружно констатируют в ответах превышение лиц, отдающих предпочтение этноприродному критерию идентификации в сравнении с гражданским. В большинстве люди воспринимают свою национальную принадлежность через «генетическую связь с Родиной, языком, ее историей и культурой, традицией и землей предков», реже увязывают это с «гражданством, общностью проживания на одной территории».

В частности, «патриотизм, национальная гордость» оказались более присущи казахам, чем русским. О несущественности этнонациональной принадлежности («ничего не означает, это понятие давно устарело») говорят немногие. Интересно, что к суждению об известной устарелости самого понятия «национальность» чаще всего склоняются экономически активные категории респондентов в возрасте от 30 до 50 лет.

Таким образом, характер эмоционально-этнических предпочтений различных представителей нации в РК фиксирует большую их предпочтительность ценностям этноприродной культуры, нежели слагаемым гражданско-национального сознания.

Можно вполне определенно на сегодняшний день фиксировать: «казахстанская идея» до настоящего времени пока не является базовой в структуре гражданской идентификации. Данные конкретно-социологических исследований свидетельствуют об однозначной ориентации национально-этнической идентичности представителей казахстанских диаспор с исконной родиной, с которой связаны их язык, далекие предки. Такого же характера приверженность демонстрируют и представители диаспор, родившиеся в Казахстане, при этом, даже, во-втором, третьем поколениях. [13].

В целом, можно утверждать, что этническая принадлежность все еще выступает явно преобладающей доминантой в структуре идентичности подавляющего большинства населения. По мнению Р.Арына этническая идентификация доминирует у всех этносов Казахстана над гражданской- факт постсоветской действительности, подтверждаемый всеми исследователями [14]. Примечательно, что респонденты-казахи почти единодушно показали предпочтение этнической идентификации (96,7%) перед казахстанской гражданской (2%). Понятие «титульный этнос 73% респондентов-казахов, считающих родиной – Казахстан вполне сопоставимы с уровнем респондентов русской этничности (70%) и малых этносов (61% от числа респондентов этих этничностей), считающих

иные страны этническими Родинами. Иными словами, ни одна этническая группа Казахстана не дошла до 90%-ного осознания страны как общенационального отечества.

Сегодня реальности таковы, что население Казахстана в значительной степени несет в себе больше разнообразие данных этноприродного сознания, нежели общегражданского. Такую специфику сознания мы видим на уровне русской нации в Казахстане, украинской, татарской и пр. общностей. Такую специфику мы видим и на уровне казахской нации. Поэтому пока еще нет зрелого состояния общегражданского сознания всех казахстанцев.

В свете подобного вывода, уж слишком поспешными выглядят утверждения некоторых о том, что развитие гражданских процессов в Казахстане зашло так далеко, что де у нас формируется гражданская нация. Таково в частности, мнение тех исследователей, которые полагают, что «доминирующей в Казахстане является ... гражданская трактовка нации». Не убеждают в такой позиции и данные социологического опроса, приводимые ими, согласно которым «больше половины всех респондентов, 55, 51 %, считают, что все национальности вместе взятые ... составляют единую казахстанскую нацию»[15]. Не принижая параметры носителей массового сознания, хотелось бы выразить сомнение в научной трактовке ими понятия «нация». Ведь зачастую люди весьма произвольно и субъективно склонны называть любую общность и нацией и народом и пр. О научной дифференциации этих понятии они имеют смутное представление. Тем более, как известно, даже в специализированном сознании (в среде ученых) в отношении этого понятия существует очень большое

многообразие мнений на этот счет. Поэтому отдавая дань политической конъюнктуре, автор, как представляется, погрешил в известной мере, научной истиной.

Отсюда возникает вполне естественный, вопрос общего методологического характера. Может ли применяться понятие «нация» к той общности, которая объединена механически, нежели духовно, психологически. По нашему мнению нет. Если применять подобную мерку по отношению ко всему населению республики, мы имеем народ Казахстана, но не нацию. Подобное определение населения страны, как народа Казахстана зафиксировано и в Конституции РК., в преамбуле которой записано: «Мы народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, создавая государственность на исконной казахской земле ...»[16] Народ Казахстана = казахстанцы. Это политоним. Градообразующая нация – казахская, а весь народ, в нынешнее время проживающий на территории страны – казахстанский.

Нация – будь то этническая или гражданская не совокупность граждан, которую можно охарактеризовать какими-то цифрами, а душа этой совокупности, не поддающаяся цифровым оценкам, ибо это не количество, а качество. Она либо есть, либо ее нет. Это некое коллективное "Я", схожее по своей природе с "Я индивидуальным, а потому может быть названо «духом». В известном смысле, можно сказать, что и в народе, как начальной гражданской общности, общность принадлежности к единой Родине, чувство патриотизма так же выступают одним из главных, основных. Хотя это не

отменяет того, что народ характеризуется еще и общей территорией, языком, культурой, правом. Но в понятии «народ» в сравнении с нацией, духовный признак в реальности выступает не столь очевидным, как остальные признаки этого понятия.

В нации духовный критерии не только теоретически, но и реально, практически выступает решающим. Можно сказать, что народ т.е. сумма народившихся в стране индивидуумов, превращается в гражданскую нацию там и тогда, когда при свободе национально-этнического выбора каждый или большинство осознанно и индивидуально преобладающим образом относит себя к единой общности, разделяя ее ценности и приоритеты.

Однако такой этап формирования гражданской нации в Казахстане на сегодня не стал господствующим, он скорее выступает как потенция, для которого сегодня создаются определенные предпосылки. Достижение таких целей в развитии казахстанской нации в Казахстане – дело исторического времени. Казахстанская национальная идентичность - формирующееся явление, она находится в тенденции развития.

Проживающие в современном Казахстане представители диаспор, в массе своей казахи, еще не подошли на уровне каждой личности к ситуации осознанного выбора, когда они руководствовались бы приоритетом гражданской идентичности перед этнической. Для такого выбора народ Казахстана должен стать общностью автономных личностей, которые были бы полностью или преобладающим образом свободны от различного рода узкоэтнических, региональных, групповых,

национальных, родовых предрассудков и т.д. Поэтому идея гражданской нации сейчас в Республике Казахстан практически пока является преждевременной. Реальностью она станет при констатации массового, свободного и осознанного желания представителей казахской нации и диаспор Казахстана в пользу выбора ими гражданской нации.

На нынешнем этапе Республики Казахстан, скорее фиксируются только начальные общие признаки казахстанской национальной общности, чаще всего элементов народной культуры, которые призваны объединять казахов с другими диаспорами страны. Они во многом стали традиционными для повседневно-бытового сознания всех казахстанцев, Например, казахи сплошь и рядом нередко лучше говорят и общаются между собой, на русском языке, разве это не явление гражданского плана. Или то, что в среде других неказахоязычных представителей все чаще стали встречаться люди говорящие на государственном языке. Или то обстоятельство, что в современном Казахстане, например праздник Наурыз стал общим для всех граждан республики, разве также не показатель элемента гражданской нации в стране. И таких гражданских фактов национально-гражданского единения становится все больше. Но они пока не преобладают.

Сегодня складывается новая, можно ее назвать казахстанская духовная аура гражданского сотрудничества народов Казахстана. Она характеризуется принципиально иными по сравнению с советскими временами признаками. Первое, ее основу составляют не отношения старшего и

младшего брата между различными нациями и народностями, как это было в предыдущей(советской) модели, а реальное, равноправное сотрудничество, взаимоуважение и что важно взаимовлияние национальных культур. Второе, это то, складывается единая общеказахстанская культура самых различных народов и нации, проживающих в стране. Это думается важный, принципиальный момент нашей общей духовности. Третье – постепенное, может быть не столь быстрое, не без противоречия формирование общности сознания между казахской частью и представителями других этносов которые решили не выезжать а связать свое будущее бесповоротно с современным Казахстаном.

Гражданской реально проявляющейся в настоящее время общностью является народ Казахстана, общественное сознание которого характеризуется начальными формирующимися общеказахстанскими духовно— психологическими признаками. Характерно, что подобные признаки общественного сознания, как русских, так и казахов, в республике формировались традиционно давно, и выражаются они более всего на уровне повседневного, массового сознания. Факты общей истории казахстанцев, как прошлой, так и настоящей тому красноречивое доказательство.

Во-первых, здесь надо вспомнить, что после присоединения Казахстана к России представители русского этноса принесли в казахские степи не только традиционно присущее им земледелие, но и связанную с ней психологию. В то же время казахское население было по крайней мере до середины – конца XIX века

преимущественно кочевым. Казахстан и в прошлом и сейчас являлся зоной рискованного земледелия. Климатические особенности Сибири с его свирепыми морозами, перепадами температуры серьезно сказывались на результатах урожаев. Пропадало в годы заморозков до 70% собранного урожая. А подобного рода ситуации были, как правило, через каждые 2-3 года. В этих условиях прокормиться русским переселенцам можно было только упорным земледельческим трудом. К тому же русским переселенцам, на этой почве приходилось сталкиваться и с казахскими кочевниками. Напомним, почти трехтысячелетняя история кочевников базировалась на постоянных перегонах стад по степям от Карпат до Тихого океана в поисках кормов для них. Приход со своим многочисленным скотом даже в условиях безграничных степей был всегда связан с возможностью стычки с хозяевами локальных земель, куда приходили на постой степняки. А, как известно, худой мир в этих условиях всегда был лучшим, чем «хорошая» война. Отсюда, в общественном сознании, как русских, так и кочевников-казахов развивались ставшие традиционными отношения дружелюбия и открытости по отношению друг другу. Оторванность от исторической родины, проживание в казахоязычной среде способствовали как в среде русских, так и казахов взаимным отношениям бытового и трудового сотрудничества.

Во-вторых, русские в Казахстане, в отличие от российских братьев, очень хорошо помнят и чтут всю свою родню, где бы она ни проживала и какой бы дальности родства она ни была. Причем, в учет идут не только такие

традиционные виды общения, как свадьбы или похороны. Здесь много больше поводов для частоты общения между родственниками. Проживание среди казахов стимулировали кровно-родственные контакты и связи в среде русских для более четкой устойчивой координации в помощи друг другу и возможной защиты от проблем. Кстати, серьезно действовали здесь и воспринятые у казахов позитивные тесные, постоянные, нескрываемые традиции близкого кровно-родственного, жузового общения. Вплоть до, традиции, например, реальной возможности для даже дальнего у казахов родственника жить у тебя, столько, сколько ему надо. Отсюда, повышенная контактность русских в Казахстане с родственниками выросла на фоне более традиционно крепких родственных отношений в среде казахов.

В третьих, в среде казахстанцев, как русских, так и казахов существовали традиционно крепкие интернациональные отношения. Об этом много говорится и чаще всего декларативным, официальным языком, хотя это отражает национально-этническую реальность республики. Но приведем на этот счет типичный, как представляется жизненно-бытовой факт, более убедительно отражающий это положение. Нами оно взято из Интернета. Автор информации [17] пишет: «Поездка в городском автобусе Ростова-на-Дону (равно как и любого города России). Ругань между пассажирами, с упоминанием открытым текстом всех и вся, что называется «без тормозов» - обыденное дело. В Алматы, любом другом городе Казахстана – это невозможно из-за... тишины и покоя между пассажирами. Причина – в автобусе сидят

люди разных национальностей! Парная, коллективная ссора обязательно заденет кого-то из находящихся в салоне, в первую очередь, этнических казаха или русскую. А это чревато нетерпимостью бытового национализма, который может быстро перейти к более серьезным действиям из-за неприглядных комментариев представителя одной нации – другой, но уже в массовом порядке. Однако, дальше, чем «уезжай в свою Россию». - А в ответ: «у меня тут деды, прадеды лежат», ситуации не пойдет. Более чем миллион русским из Казахстана уезжать некуда. В России, в том же Ростове, преобладает один этнос – русские. Отсюда и возможность посвободней затеять скандал в транспорте, хотя бы сняв стресс. В Казахстане это не возможно. Этика межнациональных взаимоотношений здесь уже возвращена, уважение к русским и казахам устоялись, и сломать их сложно».

В четвертых, в среде современных казахстанцев происходят и взаимонаправленные процессы в развитии языка. Как известно, в республике, в бытовой жизни, в бизнесе, в межличностном общении все больше распространяется казахоязычие. Попытки массового обучения казахскому языку других этнических групп населения идут довольно сложно. В значительной степени из-за бессистемности в этой работе; авральными волнами, без соответствующей учебно-педагогической подготовки, литературно-методической базы. Самая большая проблема в этом заключается, по нашему мнению, в психологическом факторе. Русский язык востребован больше, чем казахский. И это проявляется в межличностном общении, в образовании; на радио, телевидении. Не секрет, что

русскоязычные программы в массовом сознании людей популярнее, хотя действует закон для масс-медиа о паритетных часах передачи на казахском и русском языках. Основные слои русского населения составляют те, кому сегодня за 30, а это уже не столь плодотворный для изучения языков возраст. Все также низка мотивация освоения языка – русский язык все также востребован в общении в большей степени нежели казахский.

Между тем, казахоязычие как главный путь социальной коммуникации для тюркоязычных этносов (казахи, узбеки, турки, дунгане и др.), заметно за последние годы вырос. И если раньше в учреждениях, кафедрах, цехах действует фактор разговора на общеизвестном – русском языке, в том числе из уважения к русским, не знающим казахского, то теперь все более становится принято между казахами, тюрками и казахами говорить только по-казахски. Русские оказываются в ситуации языковой полунемоты. Но эта ситуация не провоцирует всплеск бытового национализма. Более того, она спровоцировала любопытный факт: русскоязычные родители стали отдавать своих детей в ясли и детские садики с казахскоязычными воспитателями. В надежде, что дети будут осваивать разговорный казахский в детстве через игры, общение с детьми тюрков, и вырастут уже не столь «немыми» как их родители, более старшее поколение.

Таким образом, как под влиянием исторических, так и современных социальных реалии живя столетиями казахстанцы в своем бытовом, массовом сознании сформировали общие духовно-психологические качества, присущие всем этносам, проживающим в республике. Не случайно до сих пор Казахстан в современном мире рассматривают как лабораторию дружбы народов. Ведь современный национальный состав республик - отражение

интенсивных демографических волн со стороны; когда в Казахстан переселялись и ссыльные с царской России, и бежавшие от барщины русские крестьяне, и представители самых различных национальностей в годы освоения целины и т.д.

Несомненно, каждый, живущий в стране демонстрирует в своем национальном сознании, поведении, действиях признаки, характеризующие его этничность. Но с другой стороны, тот же житель Казахстана, как на уровне надэтнического, на индивидуального сознания (что важно, повседневного-бытового), так и в мыслях, чувствах, практическом поведении показывает общие, присущие всем казахстанцам духовно-психологические признаки.

Преобладающей массе казахстанцев присущи открытость, позитивное отношение друг другу, взаимное принятие ряда материальных и духовных ценностей. Даже при поверхностном анализе можно вполне определенно утверждать, что общественное сознание всех проживающих в Казахстане исключает такие чуждые казахстанцам чувства, как радикализм, религиозный экстремизм. Напротив, гражданское общественное сознание жителей Казахстана включает такие элементы, как религиозная толерантность, гибкость, уважение других этносов и других религий, доброжелательность. С детства многие в Казахстане любят и слушают русские и казахские сказки, песни разных народов, проживающих в стране. С интересом смотрят многие казахские фильмы. С удовольствием едят баурсаки, бешбармак, касы и т.д. Имеют широкий интернациональный круг общения. Эти черты духовно-психологической общности общественного сознания отнюдь далеко не все перечисленные, присущи всей казахстанской общности, выражают содержание народного, общегражданского кода Казахстана.

Общие гражданские компоненты общественного сознания выражающие менталитет казахстанцев дают основание свидетельствовать о реальности существования сегодня народного кода Казахстана. Народный код Казахстана» - понятие гражданское, в отличие от национального, этнического, который одновременно существует в сознании каждого народа, живущего в республике. Помимо менталитета, присущего народу Казахстана, народный код включает в себя и прототип-казахстанца, языки общения.

Говоря о прототипе казахстанца отметим некоторые черты поведенческого характера русского в Казахстане, которые несколько его отличают от русского россиянина. Так, замечено, что казахские русские более склонны к созданию семейных союзов на интернациональной, смешанной основе, чем российские. Есть явные различия между ними и в разных социально-бытовых вопросах, включая общение, гостеприимство, отношение к людям других национальностей и т. д. И жизненный опыт, и всевозможные научные исследования показывают, что русские, живущие долгое время в Казахстане и других странах, более сплоченные. Живя в более малой численности, нежели их соплеменники в России они осознанно или неосознанно преуспевают в сохранении и развитии родного языка и культуры.

При этом, как единодушно отмечают все эксперты мировоззренческих различии между русскими в Казахстане и русскими в России нет. Но в то же время русские в Казахстане более толерантны к иной культуре и прежде всего к культуре тех, кто проживает рядом. Сознание русских в республике раздвоено: малая родина здесь, а историческая родина хотя и близка, но за границей. Для русских в Казахстане характерна большая политическая аполитичность, нежели в России. Русские в республике

большинстве лояльны к руководству своей страны вследствие проводимой им политики поддержания межэтнического и межконфессионального согласия.

В целом, отмеченные и другие различия в ментальности и поведенческих поступках казалось незаметные в Казахстане, дают о себе знать, в наших соплеменниках - русских, выехавших из Казахстана в Россию, где их называют казахами. Проявляющиеся у них ментальные особенности сказываются на том, что казахские русские, как впрочем, и немцы в Германии довольно сложно проходят этапы социализации на своих исторических родинах. А некоторые из них, порой и возвращаются в силу невозможности адаптации к своей бывшей исторической родине назад в Казахстан.

Казахстанские русские – это уже наполовину казахи. Во-первых, некоторые этнически просто перемешаны с казахами. Во-вторых, в любом случае тот, кто остался жить в Казахстане на постоянной основе стремится глубже познать казахско-культурные традиции, знать в той или иной степени казахский язык. Некоторые казахские традиций перенимаются и входят в быт русских в Казахстане. С другой стороны и казахи во многом русифицируются по культуре и обрядам. Наблюдается как результат здесь некий общий культурно-духовный симбиоз русских и казахов в республике.

Конечно, подобные гражданские компоненты общественного сознания в среде русских в Казахстане происходят не у всех одинаково. Есть, в частности, особенности этого процесса в общественном сознании лиц старшего поколения в Казахстане. Те, кто родился в СССР, с ностальгией вспоминает те времена, когда русские были старшим братом. И не потому, что тогда им лучше жилось, а потому, что они ощущали себя более востребованными в социальной жизни, более востребованными за все, что

происходит в стране. Это группа людей довольно болезненно воспринимает тенденции этнократизма, которые существуют в современном Казахстане. Характерно, что многие из них уже уехали, остались те, кому уехать некуда – это те, кто родился и вырос в Казахстане. Другие не уезжают, потому, что привыкли к климату, природе страны. Будучи консервативными в своих оставшихся советских привычках, они чаще других, в силу своего возраста, не изучают и не знают казахский язык. У них нередко проявляется реакция неприятия господствующих в стране рыночных отношений и его последствий, особенно моральных.

Примечательно, что национально-персонофицированный состав лиц с ностальгией по советским временам довольно пестрый. Он включает в себя не только часть русских, где советская ментальность проявляется в виде стереотипа «старшего брата», но и некоторых других представителей этноса, в том числе отдельных казахов.

Более смягченно противоречия гражданского и этнического выступают в т.н. новых русских казахах. Как правило, они представляют ту группу русских в Казахстане, которая в возрастном составе более молодая, в основном это лица со средним и младшим возрастом. Они воспринимают все происходящее в независимом Казахстане как реальную данность, лишены синдрома «старшего брата». В то время, они более медленно воспринимают позицию представителя национального меньшинства. Более равнодушно, чем представители старшего поколения относятся к сфере политики, предпочитают проявлять себя больше в сфере бизнеса.

И наконец, в настоящее время возникает и формируется еще одна группа русскоязычных, которая будучи по возрасту наиболее молодой пытается стать составной

частью гомогенной этносреды. Это те, кто близки к элите районного и городского масштабов, работают в сфере бизнеса, имеют родственные связи в казахской среде.

В целом, можно с полным основанием утверждать, что тенденция постепенного развития гражданских тенденции в общественном сознании казахстанцев выступает сегодня развивающейся духовной реальностью. Она пока не стала в сознании людей преобладающей перед доминантой национально-этнического сознания. В этих условиях важно, чтобы процессы отношений гражданского и этнического в общественном сознании в республике развивались в естественном русле, с исключением искусственного в них вмешательства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания
- 2 Шпеер А. Воспоминания. М., 2010, с. 384
- 3 Актымбаева А.С. Актымбаев Ж.С. Индустриально-инновационное развитие Казахстана. Вестник Каз. ЭУ, серия «экономика» 2012,
- 4 Дугин А: в России неправильно понимают мультикультуризм. 2012, 24 января. Интервью газете «Актуальный комментарий»
- 5 Путин В.В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета. 2012, 23 января
- 6 Рапай К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. М., 2008, с. 15
- 7 Культурный код нации как вызов современным угрозам общества. viast.kz

- 8 Бочарова М. Власть интернет-журнал . Монополия на сознание. 2017, 26.04
- 9 Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. (социологическое наследие). М., 1994, с. 492
- 10 Кунанбаев А. Слова назидания . Алматы, 2002
- 11 Магауин М. Ултыздану урынов. Газета «Алтын-Орда» (23-29 июля 2004)
- 12 Жунусов С. Ответ Дуванову: нацидея – необходимость или блажь // Республика. 16 мая 2008 Дуванов С. Можно ли победить без флага Республики. Республика.2011, 4 февраля. ответ Дуванову: нацидея – необходимость или блажь // Республика. 16 мая 2008 Дуванов С. Можно ли победить без флага Республики. Республика.2011, 4 февраля
- 13 Бектурганова Б. президент АС и П Казахская идентичность: трудности обретения // Сайт политической информации в Казахстане. 2008, 15.04).
- 14 Арын Р. Эволюция социально-политического статуса коренного этноса. автор. дис. д-ра полит. наук. Алматы, 2007, с.24-26).
- 15 Осмысление 20 лет независимости Казахстана. Алматы, 2011, с.44).
- 16 Конституция Республики Казахстан. Астана, 1995, с. 3
- 17 Золотухин С.А. Почему не все русские уедут из Казахстана.. 2013, 21 ноября

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, в независимом Казахстане после получения политической самостоятельности произошли крупные экономические, политические, духовные преобразования, к которым применимо понятие «модернизация». Приоритетным среди них согласно официальной установке государства на протяжении почти трех десятилетий выступали экономические перемены.

Сегодня, в начале XXI века в Казахстане на первый план наряду с необходимостью достижения в экономике, все более важными становятся задачи преобразования общественного сознания народа. Масштабность значения духовных перемен трудящихся Казахстана определяется тем, что они знаменуют определенный цивилизационный поворот, начало которого относится к 90-х годам XX века.

Вектором современного исторического развития многих стран сегодня становятся процессы вестернизации, развитие по западному образцу и прежде всего европейских стран и США. Об этом довольно убедительно, в частности, свидетельствуют характер экономических, социальных и духовных перемен, который сегодня происходит в современном Казахстане и в том числе области общественного сознания. В республике установились рыночные отношения, плюрализм власти, провозглашены принципы свободы и прав личности.

Процессами модернизации охвачены все составные общественного сознания народа Казахстана. Предметно они касаются глубоких перемен в области общественной

психологии, обыденном сознании, национальном сознании, форм общественного сознания. По сути дела суммарном проявлении духовная модернизация сегодня в Казахстане включает в себя два крупных массива перемен, касающихся социальной и национальной составляющих общественного сознания. В социальном плане утверждаются в качестве господствующих новые признаки общественного сознания Казахстана: прагматизм, рационализм, конкуренция, культ знания. В национальном сознании, исходя из цели формирования гражданского общества формируется общеказахстанское сознание народа республики.

По своему социальному значению подобная модернизация общественного сознания выступает первой в истории Казахстана. Предстоит утвердить в качестве господствующих в общественном сознании казахстанцев духовные ценности и установки, которые ранее в прошлом Казахстана не были доминирующими. Все предыдущие духовные преобразования в судьбах страны (в частности, связанные с присоединением Казахстана к России, 20-30 годов XX в. и др.) происходили в рамках исторически сложившегося в казахском народе коллективистского общественного сознания. Нынешняя духовная модернизация современного общественного сознания определяется принципиально иной парадигмальной социально-экономической установкой, диктуемой господством частнособственнических рыночных отношений в стране.

Начало процесса современной модернизации общественного сознания Казахстана относится к 90-х годам XX в. В это время духовные перемены больше

проявлялись, как психологическая реакция изменения сознания и психологии масс на установившиеся в республике частнособственнические отношения. С выходом известной работы лидера нации Н.Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» преобразования общественного сознания обретают сознательно установленные цели, методы духовного обновления казахстанского общества.

В этих условиях научное осмысление модернизационного опыта преобразования общественного сознания за 30-лет независимого развития республики становится чрезвычайно важным для дальнейшего духовного обновления народа Казахстана. В практическом плане здесь следует учитывать, что стартовый духовно-психологический потенциал как советского времени, а тем более еще раннего патриархально-феодалного прошлого казахского народа дает сравнительно малый материал для установления ценностей нового общественного сознания казахстанцев. В частности, советский исторический период в большей степени развивал эмоционально-революционные начала сознания (новое отношение к труду, трудовой энтузиазм и пр.), но в меньшей мере сказался на развитии рациональной стороны психологии(прагматизма, конкуренции, рационализма). Еще в большей степени это относится к ценностям и установкам оставшимся в сознании современных казахов от патриархального сознания, которое вообще по природе выступает антиподом современному общественному сознанию XXI века.

Объективными условиями способными сформировать новое общественное сознание соответствующее современным требованиям сегодня в Казахстане выступают: ликвидация монополизма экономического производства, развитие разнообразных конкурирующих друг с другом отраслей промышленного производства, преодоление сырьевого характера экономики. В духовном плане важно искоренить в сознании современных казахов архаизмы патриархального сознания распространенные в бытовом сознании и психологии казахского народа. .

Основное содержание модернизации в национальном сознании казахстанцев сегодня составляет утверждение духовных ценностей гражданского общества. Процесс этот, выступает более долговременным нежели перемены в социальной области общественного сознания. Пока реальности таковы, что на уровне народов, проживающих в Казахстане проявляются приоритетность ценностей этнического сознания перед гражданским.

Вместе с тем, в прогностическом плане, как представляется, ныне продолжающаяся тенденция естественного отъезда из Казахстана русскоязычных людей способна поставить в будущем в ином контексте проблему соотношения этнического и гражданского в стране. Можно предположить, что при таком развитии процесса демографии, республика окажется мононациональной и тогда задача формирования гражданской общности в том виде, которая сейчас есть, будет снята. Тогда массовое сознание народа Казахстана – ставшее моноэтническим, явится в большей степени процессом преодоления атавизмов отживающего

патриархального сознания казахов под влиянием установок и ценностей иноэтнических сознания (сохраняющего советского и западного сознания). И как результат – этническое сознание казахов и в этом случае выступит иным, так же близким к мировым, общегражданским.

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что модернизация общественного сознания Казахстана при всех исторических вариантах сценария своего развития базируется на сохранении формирующегося отечественного кода казахстанцев, основу которой составляет национальный код казахского народа.

В качестве составных слагаемых национального кода Казахстана выступает ментальность казахской нации, национальный прототип, язык народа. Проявления менталитета казахского народа, выражающиеся в национальной психологии и характере – толерантность, дружелюбие, гостеприимство и другие должны стать традиционалистскими слагаемыми процесса модернизации общественного сознания.

Органическое соединение лучших традиционалистских установок казахского народа, казахстанцев с духовными ценностями сознания диктуемых XXI веком есть выражение специфичности модернизации общественного сознания в республике. Сохранение национального менталитета выступает аксиоматическим условием современного духовного обновления Республики Казахстан.. Для сравнения напомним, советская модернизация общественного сознания 20-30 годов XX в. основывалась на идее интернационализации, нивелирования и исчезновения всякого национального в духовной области.

Сохранение национального кода особенно в части менталитета казахского народа выступает основным условием сохранения Казахстана, казахов как национальной общности в условиях усиливающегося процесса развития глобализации в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. Алма-ата, 2003
- Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. Астана, 2017
- Н. Выступление Назарбаева Н.А. на X11 сессии Ассамблей народов Казахстана. (Астана, 24 октября 2006).
Казахстанская правда. 2006, 24 октября
- Абдыгалиев Б. Казахская миссия. – Алматы, 2007
- Арын Р. Эволюция социально-политического статуса коренного этноса. автор. дис. д-ра полит. наук. Алматы, 2007, с.24-26
- Ахмеджанов А. О национальном патриотизме в Казахстане (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1266960420>)
- Бауман Э. Индивидуализированное общество. М., 2002
- Бектурганова Б. президент АС и П Казахская идентичность: трудности обретения // Сайт политической информации в Казахстане. 2008, 15.04
- Бенедикт Андерсен Воображаемые сообщества. М., 2001
- Булгаков С.Н. Из размышлений о национальности. М., 1914
- Браун Отто Национальный вопрос и социал-демократия. СПб, 1909, с.139
- Геллнер Э. цит. Тишков В.А. Социальное и национальное в историко- антропологической перспективе // Вопросы философии. М., 1990, № 12, с.12
- Доктрина национального единства Казахстана. Астана, 2010
- Дуванов С.(2011) Что делать русским в Казахстане ? (http://inosmi.ru/middle_asia/20110907/174360149.html)
- Жукешов Канагат Элемент родовой идентичности. Трибуна. 2013, 13 ноября
- Кадыр Ертай Этногез казахов: философский анализ. дис. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. Алматы, 2010

- Калтахчян С.Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983
- Ковалевский П.И. Психология русской нации. Спб, 1915
- Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель.// КСИЭ – М-Л., 1949, вып. 8
- Къркегор С. Или-или. СПб, 2011
- Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала» ч.1 // Маркс К. и Энгельс Ф. соч., изд. 2-ое т.46, ч.1 М., 1968
- Н. Malewska-Peyre Le processus de devalorisation de de l'identite et les strategies identitaires. С 123 in Camilleri, С., Kastarsztein, J.(1990) Strategie identitaires, Paris: P. U. F.
- Магауин М. Ултыздану урынов. Газета «Алтын-Орда» (23-29 июля 2004)
- Малеев С. Казахи не желают быть казахстанцами. Газета Мегаполис. 2007, ноябрь
- Мамыраймов Т. Политический трайбализм в Казахстане. Трибуна. 13 ноября 2013
- Материалы международной конференции в языке и литературе» 2018, 26-27 октября 2018 Нижний Новгород, 2019
- Мустафаев Н. (2010) Найти себя? Иерархия идентичностей в Казахстане. (<http://www.ydialog.kz/> lan=ru&id=81&ub=1872)
- Насырова Л.С. Особенности национальных стереотипов русских и казахов (на примере Республики Казахстан) дисс. канд. псих. наук. М., 2001
- Нысанбаев А.Н. Сб. мат. «круглого стола» (12 декабря 2007 г.) Алматы, КИСИ, при Президенте РК, 2008, с. 24
- Осмысление 20 лет независимости Казахстана. Алматы, 2011
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957

- Сабит М. Содержание и мобилизующий потенциал общенациональной идей. (матер. респ. научно-теоретической конф.) Алматы, 2008, с. 42-43
- Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1946, т.2
- Султан Хан Жусип из странички на «Фейсбуке», или Курманбаев Р. Сколько казахов умерло в годы репрессии ? Трибуна. 2015, 6 июня
- Тоффлер Шаг будущего. М.,2004
- Тойнби А. Постыжение истории. М., 2002
- Хантингтон С. Кто мы ? Вызовы американской национальной идентичности. М.2004
- Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // Вопросы Философии. 1994, № 10
- Шаповалов А.И. История ментальности: проблемы методологии. М., 1996
- Шульдин Б.П. Русский менталитет в сценариях перемены // Социологические исследования. 1990, № 2

